Е. ПЕТРОВ

КОСМОНАВТЫ

Записки руководителя группы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Космонавт — представитель самой молодой, пока редко встречающейся, но очень популярной профессии. Широко известны первые прославленные герои космоса — Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов. Известно и то, что вместе с «небесными братьями» готовились и продолжают готовиться к новым стартам в космос их друзья — группа советских космонавтов.

Многие читатели, и особенно молодежь, проявляют большой интерес к людям, которым предстоит развить и приумножить достижения Гагарина и Титова.

Кто они, эти люди? Как живут? Как работают и готовятся к очередным космическим полетам? Эти и многие другие вопросы, то есть все то, что можно знать о космонавтах, интересует не только любознательных, но и тех, кто уже по-серьезному мечтает о романтической профессии и уже теперь стремится во всем подражать космонавтам.

Многое о советских космонавтах читатель узнает из записок руководителя группы советских космонавтов Е. Петрова.

- Е. Петров
  -
  - «Хороших вам полетов, товарищи!»
  - Поиски плацдарма
  - «Очень хочу в мировое пространство»
  - «Это по мне! По моему характеру!»
  - «Я не раз думал об этом»
  - Сливаются ручьи
  - «Коммуна»
  - Сотворившие чудо
  - Не боги, но мастера
  - Первый экзамен
  - Надежная защита
  - Разбег
  - Мера мужества
  - Если ты коммунист
  - Судьба товарища
  - Слетанная группа
  - Голос «Нептуна»
  - Много ли космонавту нужно?
  - Зарядка скоростью
  - День чудесных встреч

- ○ Группа начинается с песни
- ○ Когда мир молчит
- ○ Памятные встречи
- ○ Фантастика и быль
- ○ Дан приказ
- ○ Верю в тебя
- ○ Он научился творить
- ○ «Твой черед, Гера»
- ○ «Пошла, родная!»
- ○ Видится далеко

Е. Петров
Космонавты

Записки руководителя группы

«Хороших вам полетов, товарищи!»

Тому, кто знаком с чувством, возникающим при восхождении на высокую гору, хорошо известно, как с приближением вершины учащеннее бьется сердце. Происходит это не только потому, что путь труден, подъем крут, но прежде всего из-за того, что грудь теснит волнение: вот-вот взору откроется необъятный простор, раздвинется горизонт. Да, при этом мир предстает в новых, более зримых чертах, будто приближаясь и обдавая тебя своим живым, горячим дыханием.

Нечто подобное этому чувству пережили советские люди в среду, 12 апреля 1961 года, когда наш соотечественник Юрий Гагарин первым в истории человечества проложил дорогу в космос, а затем и 6 августа, когда второй советский гражданин Герман Титов совершил выдающийся суточный космический полет.

Нет надобности повторять подробности ни о самих полетах, ни о том, как они были восприняты и отмечены советским народом. Об этом широко известно. Хочется поделиться впечатлениями о двух коротеньких, но немаловажных для нас эпизодах.

Всем памятно торжество в Москве 14 апреля 1951 года, когда москвичи встречали вернувшегося из полета Юрия Гагарина. Космонавты, пробираясь через толпы людей на Красную площадь, застряли на улице Кирова. Никто из них не думал, что вся Москва окажется настолько запруженной народом — на улицах не проехать, не пройти. Это радовало и беспокоило ребят. Радовало ликование людей. Полет в космос их товарища оказался особенным праздником для москвичей, а значит, и для всего нашего народа. Беспокоило то, что они оказались затертыми в толпе. Чего доброго, к началу митинга так и не доберешься до Красной площади… не окажешься свидетелем происходящего там торжества.

— Товарищи, разрешите нам пройти, — взмолился кто-то из ребят, обращаясь сразу ко всем в толпе. — Мы — космонавты.

— Все теперь космонавты, — отозвалось одновременно несколько также активно пробиравшихся вперед молодых крепких парней. — Кому сегодня не хочется побывать на Красной площади?

— Так у нас же удостоверения и пригласительные билеты есть… Честное слово. Покажи, — обратился Григорий к прижатому к нему Павлу.

Павел, улыбаясь, громко ответил:

— Тут никакой мандат не поможет, все равно не пустят… Давайте-ка, друзья, не спеша поторапливаться… Времени до начала должно хватить. Эта тренировка нам тоже не повредит.

Все обошлось хорошо. За пару минут до начала митинга все космонавты стояли на трибуне, у подножия Мавзолея. Заблаговременно явившиеся на площадь соседи бросали любопытствующие взгляды на группу молодых, несколько возбужденных, крепких ребят. Многие догадывались, что они имеют прямое отношение к торжеству. На трибуне Мавзолея появились И. С. Хрущев и рядом с ним — Юрий Гагарин. Как и все присутствовавшие на площади, космонавты подняли руки, приветствуя главу партии и правительства и своего друга — Космонавта № 1. Кто-то крикнул:

— Здорово, Юра!

Переговариваясь между собой короткими словами, вполголоса, космонавты с гордостью отмечали, что Гагарин не растерялся, впервые выступая перед таким несметным числом людей. Он вел себя просто, уверенно, спокойно. В своей речи Юрий говорит и о них — его товарищах-космонавтах, которые, как и он сам, готовы к новым полетам. Десятки тысяч людей отзываются на эти слова аплодисментами, собравшиеся еще не знают имен будущих героев, не знают и того, что они тоже стоят здесь, на Красной площади. Они взволнованы: оказывается Гагарин не один — вместе с ним уже подготовлена целая плеяда будущих покорителей космоса.

После митинга на площади начинается шествие. Идут колонны москвичей. Знамена, портреты, транспаранты, цветы, радостные лица людей… Все это очень напоминает первомайский праздник.

— А мы что стоим, ребята? Пошли. — И сразу вся группа шагнула на брусчатку. Так и пошли своей колонной, смеющиеся, возбужденные. Потом вдруг кто-то крикнул:

— Германа на руки!

Тот не успел опомниться, как его уже подняли над головами. Он пытался протестовать:

— За что меня, братцы? Я-то при чем? Я же не летал!

— Ничего, ты дублер. Полетишь еще дальше. Входи в обстановку.

Вечером 14 апреля космонавты присутствовали на правительственном приеме в Кремле. Прием проходил в Георгиевском зале и Грановитой палате. Тут были и уже ставший известным всему миру Юрий Гагарин, и еще неизвестный тогда, но уже готовый повторить и превзойти подвиг своего друга, Герман Титов, и все другие космонавты, кто теперь жил высокой

целью — проложить для человека надежную дорогу в космическое пространство. Поначалу космонавты держались группой. Вскоре оказалось, что кое-кто вдруг «исчез». Оглянувшись, мы увидели, что они окружили стоявшего в центре зала Никиту Сергеевича Хрущева. Невозможно было находиться в стороне, наблюдая, как они задорно беседуют, радостные, возбужденные. И Никита Сергеевич, тоже в веселом настроении, разговаривает с ними, как со старыми знакомыми.

Подошли и мы. Космонавт Три представил меня товарищу Хрущеву. Никита Сергеевич, пожимая мне руку и улыбаясь, спросил:

— Ну, рассказывайте про своих орлов.

— Ребята неплохие, — ответил я, показывая на стоящих рядом улыбающихся, стройных, крепких, будто на подбор, парней. — Больше вроде и не скажешь…

— А вы скажите больше, — смеется товарищ Хрущев. — Хотя бы о том, кто из них на что способен. Все ли готовы идти дальше Юрия Алексеевича?

— Можно поручиться за каждого, Никита Сергеевич. — Каждый готов сделать все, что ему будет доверено.

— Ну, ручательств, может, и не надо. Так поверим, — вновь улыбается Никита Сергеевич. — В том, что наши орлы готовы полететь еще дальше, еще выше, теперь уже не сомневаются не только наши друзья, но и недруги. Правда — она свое берет!

Н. С. Хрущев говорил о перспективах начатого дела, высказывал смелые, радостно волнующие планы, интересовался нашим мнением.

Я наблюдал за космонавтами. Каким-то особым восторгом светились их лица!

Никита Сергеевич, заканчивая эту памятную для всех нас беседу, обращаясь к космонавтам, сказал:

— Хороших вам полетов, товарищи!

Эти слова взволновали космонавтов, стали их девизом.

Тогда и зародилась у нас мысль рассказать, хотя бы в самых общих чертах, об этих замечательных молодых людях.

Поиски плацдарма

Кто-то в шутку назвал это совещание «военным советом». Оно действительно во многом напоминало военный совет перед генеральным наступлением. Большинство присутствующих здесь были подчеркнуто гражданскими людьми и ничего общего с военным делом не имели. На повестке дня стоял вопрос вовсе не о фронтовых делах. Здесь собрался генералитет науки. Собрались представители многих специальностей. Это были известные и в большинстве своем уже немолодые инженеры, математики, медики, физики, авиаторы, химики, астрономы, биологи. Обсуждался величественный план исследований новых миров. Впервые в истории человечества на повестке дня стоял практический вопрос о подготовке человека для штурма Вселенной. На непостижимо дальних дорогах должно будет произойти сражение первого советского космонавта с неизведанными тайнами природы.

Известно, что прежде чем идти в наступление, определяется стратегическая цель и плацдарм, откуда предстоит начинать штурм. Ученым, уже многие годы готовившимся к штурму космоса, предстояло решить, где, на основе какой профессии целесообразнее всего отобрать космонавтов-первооткрывателей? Нужны были люди, которые после сравнительно непродолжительной подготовки окажутся способными твердо шагнуть в неведомое.

На совещании высказывалось немало разноречивых мнений. Одни утверждали, что плацдармом должен стать подводный флот. Сама жизнь отбирает туда людей смелых, сильных, выносливых. Другие рекомендовали людей «верхних» профессий — парашютистов, альпинистов, мужество и закалка которых также достойны восхищения. Большинство останавливали свой выбор на летчиках. Каждый по-своему защищал свою рекомендацию, но все горячо и убежденно доказывали свою правоту. Нашлись и такие, которые вообще не брали в расчет профессию, полагая, что космонавтом может стать всякий здоровый и физически крепкий человек, и прежде всего — спортсмен. В стране сотни тысяч физкультурников! Это ли не резерв для отбора будущих космонавтов!

Были сторонники и других суждений: спортивная закалка, по их мнению, особой роли не играет — летать в космосе может любой практически здоровый человек. Они брали в расчет наиболее, на их взгляд, важное — специальные инженерные знания и тут же предлагали свои личные услуги или перечисляли

незаменимые достоинства своих юных коллег. Нетрудно догадаться, что это были инженеры-конструкторы космических кораблей. Кое-кто суммировал разные суждения, пытаясь найти некую «среднюю арифметическую»…

Полемика развернулась не случайно: никто в мире еще не занимался подобной проблемой. Проторенных я путей не было. Человеку впервые предстояло лично войти через космические врата в тайнохранилище Вселенной. Кому же поручить и доверить этот первый шаг за порог атмосферы? Ясно было одно: может это сделать не каждый. Но кто тогда — летчик, моряк, шахтер, альпинист? Было ради чего хорошенько взвешивать, все «за» и «против».

Отдельные ручейки верных суждений сами по себе сливались в общее мнение. В конце обсуждения, перед заключением, Теоретик космонавтики спросил одного из участников совещания — генерала-авиатора: «Ну, а как ваши люди? Как летчики? Готовятся ли они лететь в космос?» Генерал-авиатор ответил, что летчики считают это своим долгом. Этот короткий разговор наметил общий ориентир. Вскоре все присутствовавшие на совещании сошлись на том, что плацдармом для отбора первых космонавтов являются наши военно-воздушные силы. Жизнь подтвердила, что именно здесь, в военной авиации, находятся люди, наиболее подходящие для первого наступления на космос.

Почему именно здесь, в авиации? Хорошо закаленные люди имеются всюду. Особой выносливостью, физической и моральной закалкой отличаются и моряки-подводники, и водолазы, и танкисты, и пограничники, и шахтеры, и металлурги. И все же, чтобы стать космонавтом, только тех качеств, которые вырабатывают в человеке эти профессии, еще недостаточно. Нужны не только выносливость и стойкость. Космонавт должен уметь управлять кораблем, понимать полет и вести в нем наблюдения, быстро находить и немедленно осуществлять правильные решения, уметь пользоваться сложной техникой. Особенно важно все это для первых полетов, когда в полет будет отправляться только один человек — командир космического корабля. Кто более всего подходит для этого? Конечно же, летчик. Он приучен к точной работе в условиях дефицита времени. Он хорошо умеет понимать быстрые перемещения летательного аппарата во время полета, у него быстрая реакция на все происходящее. Скорости современных самолетов вырабатывают у летчика ежесекундную готовность к действию. Эти качества необходимы и космонавту. Однако, как следует из сказанного, не всякому летчику свойственно все то, что потребуют от человека первые космические полеты. Более всего «сродни» все это

летчику-истребителю. Он привык действовать в самолете самостоятельно: наблюдать и оценивать в стремительном полете быстро меняющуюся обстановку, бея промедления действовать.

На своем корабле он разносторонний специалист: и пилот, и штурман, и связист, и механик, и боец. На первых порах все эти важные качества очень понадобятся космонавту. Там, в космическом полете, ему тоже придется одному проводить всю работу: вести наблюдение, следить за приборами, производить замеры, поддерживать связь с Землей, производить записи и киносъемки, делать штурманские расчеты, управлять кораблем и его многочисленными системами. Только такой специалист-универсал сможет уверенно и твердо пойти в «атаку» на неприступный до сего времени бастион Вселенной.

И еще одно «за». Летчик-истребитель, как военный человек, несет в себе и замечательные черты бойца. Дисциплина, внутренняя собранность, воля к победе, смелость — все это в полете превратится в его «вторые крылья». О мужестве, отваге, беспредельной преданности Покрышкина, Кожедуба, Сафонова, братьев Глинка, не говоря уже о ветеранах советской авиации — Валерие Чкалове, Михаиле Громове, Владимире Коккинаки и многих других — тех, кто первым поднял славу краснозвездных машин, — знает весь мир. Советским летчикам — продолжателям такого славного племени — окажутся по плечу новые невиданные высоты, новые неслыханные расстояния, новые космические скорости.

Вот почему генералитет науки в конечном итоге единодушно решил, что первыми командирами космических кораблей должны стать летчики-истребители. И Теоретик космонавтики, и Главный конструктор космического корабля обратились к генералу-авиатору и сидевшим рядом с ними авиационным медикам:

— Хорошенько подумайте над тем, как будем вести первый отбор и подготовку будущих космонавтов.

Несмотря на то что мы хорошо понимали ту роль, которая отводилась авиационным специалистам, знали, для чего нас пригласили на совещание, это поручение прозвучало для нас как-то неожиданно. Трудно было себе представить, что, уйдя с совета ученых, нам буквально сразу придется заниматься космонавтикой не как отвлеченной проблемой, а как практическим делом.

Плацдарм был определен.

Предстояло подготовиться к отбору лучших представителей летчиков-истребителей и привести их, так сказать, в полную боевую готовность. Без промедления взялись за дело. Как обычно в подобных случаях, больше всего давало себя знать отсутствие опыта. Рождалась новая, неведомая человечеству профессия —

космонавт. На каждом шагу — неразрешенные проблемы, ученым, врачам, инженерам, если так можно выразиться, пришлось поднимать целину.

Главное направление принципов отбора кандидатов в космонавты было почерпнуто из опыта нашей советской педагогической школы. Было решено основное внимание обратить на высокий моральный уровень человека, на его духовный мир, на идейную убежденность и глубокую сознательность. Без этого трудно рассчитывать на успех столь сложного экзамена, который предстоит держать человеку в первых космических полетах. Только высокосознательные, а не автоматические действия потребуются от космонавтов в сверхвысотном, сверхдальнем и сверхскоростном рейде. Если он беззаветно предан высокому идеалу, которому служит, — опасности не сломят его волю, ничто не помешает ему применить все свои знания, проявить все свои способности.

Ну, а как быть со здоровьем? Понятно, что космонавту необходимы и сильные мышцы, и большая выносливость, и закаленное сердце.

Казалось бы, кто может быть в таком случае лучше рекордсменов? Однако установлено, что далеко не всякий из них может успешно переносить воздействия тех специфических факторов, с которыми встретится человек в космическом полете. Требуются всесторонне выносливые люди. Чтобы отобрать нужных кандидатов, даже среди летчиков-истребителей пришлось провести очень тщательный специальный отбор. Даже среди них пришлось выбирать людей наиболее здоровых и выносливых. Да, для первых полетов требовались сильнейшие из сильных.

С этими мыслями и выехали авиационные врачи в боевые летные полки.

«Очень хочу в мировое пространство»

Однажды авиационный госпиталь, как шутя говорили находившиеся там на лечении летчики, «наводнила руководящая медицина». По коридорам степенно ходили главные армейские специалисты: хирург, терапевт, психиатр, отиатр… Некоторые больные их знали раньше и теперь заочно знакомили с ними своих товарищей. «Это профессор хирург. Отец у него тоже был известным хирургом… А это главный терапевт…» Что же должно было произойти в госпитале? Научная конференция, какое-то важное совещание? Нет. Собиралась главная комиссия по отбору кандидатов в космонавты. Первая комиссия, которой предстояло завершить работу двух предшествовавших этапов — предварительного отбора летчиков в авиационных частях и обстоятельного клинико-физиологического госпитального обследования их. Предстояло решить, кто же из находившихся еще в госпитале летчиков отбирается в число будущих первых космонавтов СССР.

Часть из прибывших на комиссию авиационных врачей накануне посетили летные полки, где производился предварительный отбор летчиков. Работа на местах велась совместно с командованием, политорганами и медицинской службой. Командиры, политработники и врачи понимали: начинается большое, серьезное дело. Для предварительного отбора они рекомендовали самых лучших летчиков, которые выражали личное желание стать космонавтами.

Не обошлось и без сюрпризов. Поскольку нужны были здоровые люди, местные руководители нередко предпочтение отдавали тяжелоатлетам: В первую очередь к нам присылали богатырей. Помню, в одном гарнизоне пришел на беседу и обследование офицер могучего телосложения. Под кителем без труда угадывались чугунные бицепсы. Улыбнувшись и как бы предъявив медикам свои красивые, ровные, белые зубы, летчик весело и решительно сказал:

— Очень хочу в мировое пространство.

Этот разбитной здоровяк принадлежал к тем удачливым людям, которые нравятся всем, как говорится, с первого взгляда. Беседуем. Знакомимся с летными и медицинскими документами. Похоже, что парень по всем статьям подходит. Проверяем состояние здоровья. Все хорошо. И дыхание, и пульс, и давление в норме. Со стороны сердца отмечаем «шумок». Правда, отклонение

малозначительное. Человек практически здоров и летать на самолете может. Но в космос пока нельзя. Говорим об этом откровенно. Он удивлен, расстроен, доказывает, что не обижен здоровьем.

— Поймите, я же штангист… чемпион.

Видимо, «шумок» и явился результатом того, что чемпион чрезмерно увлекался штангой, не сумел разумно сочетать это занятие с другими видами спорта и, надо полагать, занимался тяжелой атлетикой, упустив необходимость постоянного медицинского контроля за своим здоровьем.

Подобных встреч было немного. Как и следовало ожидать, в основном среди летчиков встречались очень здоровые и крепкие люди.

Немало среди них оказалось и таких: на вид вроде неказист, а познакомишься поближе — отменный кандидат, абсолютно здоровый человек да еще и с «железными» нервами. Надо сказать, что наличие так называемых «железных» нервов — прямо-таки обязательное условие для будущего космонавта. Вот таких здоровых, с устойчивой нервно-эмоциональной сферой, отличных летчиков-истребителей прежде всего и брали на учет.

Но не только профессиональные, физические и физиологические достоинства принимались во внимание при отборе кандидатов в космонавты. Нужны были люди, интеллектуально развитые, обладающие высокими нравственными качествами, твердым, волевым характером. Оно и понятно. На успех в борьбе за покорение космоса могут рассчитывать только те, кто и телом и душой крепок, кто ясно видит цель и умеет к ней идти наперекор любым трудностям.

«Это по мне! По моему характеру!»

В одном гарнизоне нам предложили познакомиться с десятком наиболее достойных, по мнению командования, кандидатов. Командир полка положил перед нами список и, не удержавшись, похвалил своих питомцев:

— Один другого лучше.

И верно, кандидаты были хорошие. Однако при более глубоком знакомстве и изучении каждого на дальнейшее обследование было отобрано лишь пять человек. Нам особенно приглянулся летчик, первым значившийся в списке. Выше среднего роста, бойкий, жилистый блондин с веселым взглядом — Алексей Архипович, или Леша, как любовно называли его сослуживцы. Он по праву считался отличным летчиком. Как раз при нас произошел такой случай. Возвращаясь с задания, он попал в сложную ситуацию: самолет идет на посадку, а шасси не выпускаются. Обстановка с каждой секундой усложнялась еще и потому, что аэродром стало быстро затягивать низкой облачностью. Действовать надо было быстро, решительно и точно. И летчик не растерялся. Он произвел аварийный выпуск шасси и приземлился как нельзя лучше.

И летным мастерством и превосходным здоровьем подкупал этот жизнерадостный парень. Он располагал к себе и своей откровенностью, простотой.

Алексей Архипович недавно стал коммунистом, но продолжал, как и раньше, вести активную комсомольскую работу — входил в состав комсомольского бюро части. Любил спорт, имел разряды по копью и велосипеду. Увлекался живописью. Его по праву считали художником-любителем чуть ли не окружного масштаба. Не берусь предсказывать, как отозвались бы о его работах строгие ценители искусства, но его однополчане-летчики искренне восторгались произведениями своего друга. На его полотнах то грохотало штормящее, вспаханное боевыми кораблями море, то звенели уходящие в стратосферу истребители, то успокаивали и манили к себе пейзажи дорогой русской природы.

Как и всем кандидатам, в начале разговора Алексею Архиповичу был задан вопрос: хочет ли он участвовать в отборе, который проводится с целью комплектования первой группы будущих космонавтов? Лейтенант, не раздумывая, сказал:

— Это по мне! По моему характеру!

Когда же мы объявили ему о положительном решении, которое относится только к предварительному этапу отбора,

радости Алексея, казалось, не было предела. Вечером, накануне нашего отъезда из части, он зашел ко мне и после неловкой паузы заговорил так, словно в чем-то провинился.

— Вы знаете, я холостяк, но люблю девушку и хотел бы на ней жениться… Не помешает ли это будущему делу?

— Ничуть не помешает, — успокоил я летчика и, рассмеявшись, добавил: — Настоящая любовь — не помеха такому серьезному делу. Она только поможет вам и на земле и в космосе.

Леша ушел довольный, а я долго не мог уснуть. Вспоминал лица, характеры летчиков, с которыми познакомился в части. Все это замечательные люди. Они проявили искреннее стремление к начинавшемуся большому и трудному делу.

«Я не раз думал об этом»

Многие авиационные врачи, возвратясь из гарнизонов, в которых побывали, отбирая кандидатов в космонавты, с восторгом рассказывали нам о своих встречах. Я внимательно прислушивался к рассказам и вновь переживал свои поездки. Зная, что мне скоро предстоит начать серьезную работу с отобранными летчиками, я замечал, что во мне разрастается какое-то особенное нетерпение. Мне хотелось побыстрее познакомиться с теми, кому предстоит вначале составить первую группу слушателей, а затем и космонавтов СССР.

Мой давний товарищ авиационный врач Николай Николаевич хвалил смуглого капитана. Капитан в прошлом был летчиком-истребителем, а теперь, окончив инженерную академию, стал инженером-летчиком и занимался испытательской летной работой. Когда Владимир Михайлович (так звали капитана) заявил о своем намерении начать освоение новой профессии, ему сказали:

— Не торопитесь. Подумайте хорошенько. Ведь у вас замечательная работа. На ней-то лучше всего можно сочетать летный опыт и инженерные знания. Чего лучше?

— Мне все ясно. В течение последних лет я не раз думал об этом…

Чувствовалось, что это решение действительно было не поспешным. Капитан был из тех людей, которые знают, куда и зачем идут. Привлекало, в нем и еще одно качество: он, по рассказам товарищей, умел смотреть на самого себя «со стороны». Способность к самоанализу, к самокритичной и справедливой оценке своих действий — завидная черта.

Надо сказать, что при первичном отборе, который проводился в авиационных частях, не все было так ясно и гладко, как в двух описанных случаях. Среди тех, кто стремился попасть в число кандидатов, встречались и так называемые «орешки»… Членам комиссии предварительного отбора при этом не раз приходилось совещаться, прикидывать все «за» и «против».

В одном авиационном полку комиссия познакомилась с летчиком старшим лейтенантом Валерием Федоровичем. Первое впечатление он произвел, прямо скажем, не очень важное. Однако вскоре выяснилось, что молодой офицер обладал незаурядными летными способностями. Рассказывали, что в полку не было летчика, который в тренировочном воздушном бою мог бы зайти в хвост самолета этого энергичного, расторопного авиатора. Сам

же Валерий атаковал без промаха. В сложных ситуациях мигом находил правильные решения. Это ли не достоинства будущего космонавта?

Когда выяснилось, что у Валерия отличное здоровье, пришли к единому мнению: рекомендовать его для последующих этапов отбора. Если станет космонавтом, некоторые индивидуальные особенности, можно полагать, как налет, быстро сотрутся. Так оно потом и оказалось.

Более полная и глубокая оценка всем талантам отобранных в частях кандидатов была дана некоторое время спустя в Москве, куда кандидаты были вызваны на тщательное госпитальное клинико-физиологическое обследование. После полуторамесячного пребывания летчиков в авиационном госпитале и начала работать главная отборочная комиссия. Для «грозной» комиссии все было важно. Малейший недостаток или, как выразился однажды Юрий Гагарин, «царапина в организме», — и человек терял возможность быть отобранным в число будущих космонавтов.

На сей раз в авиационном госпитале больничные пижамы надели здоровяки. Кое-кого из них смущала необычная обстановка. Они говорили: «Только попади в руки к медикам… того и смотри, действительно станешь больным». Некоторые летчики шли на госпитальное обследование с выраженным волнением и даже страхом. По всему было видно, что из головы у них не выходила тревожная мысль: «А вдруг найдут изъян? Что тогда? Все пропало!..». Однако все понимали: без тщательного медицинского обследования не обойтись. И потому большинство держалось стойко, переходя из кабинета в кабинет, от одного специалиста к другому.

Да, последняя проверка была особенно строгой. Помнится, обследовали одного стройного, мускулистого капитана. Все у него безупречно. И только на бедре обширный рубец — след перенесенного в прошлом ранения. И капитану пришлось возвратиться в часть.

Госпитальное обследование завершалось специальными испытаниями на различных стендах и установках, которые имитировали действие высоты, перегрузок, вибраций и других факторов полета. Эти испытания были серьезнее и труднее тех, что проходили летчики у себя в авиационных частях. Один летчик при испытании на центрифуге потерял сознание, у другого появилась тошнота. Третий, почувствовав себя плохо, попросил прекратить испытание. В таких случаях вопрос о продолжении исследований, как правило, отпадал.

«Счастливчики», оставшиеся «в строю» после госпитального обследования, подбадривали друг друга.

— Держись, Андрей. У тебя все идет хорошо. Может быть, все-таки пройдешь. Учти, что из всей нашей воздушной армии мы с тобой только двое и остались.

— Я и так стараюсь изо всех сил. Но у меня, по-моему, дела обстоят не очень гладко. Вчера доктор после испытания на центрифуге что-то слишком долго рассматривал мою электрокардиограмму. Уж лучше ты старайся, у тебя все хорошо.

— Чудак, так то же потому, что на тебя центрифуга не действует! Я сам слыхал, как врачи удивлялись. «И что это за богатырь? — говорят. — Такой устойчивости мы еще не встречали…» Понял, кто ты есть?! Держись, Андрей!

Когда главная отборочная комиссия на заключительном заседании подытожила всю проделанную работу, председатель комиссии — руководитель авиационных медиков — сказал:

— Выбраны самые сильные, самые надежные люди. Будем надеяться, что в ходе специальной подготовки они покажут хорошие данные и тем самым подтвердят хороший результат нашей первой работы по отбору космонавтов. — В интонации голоса председателя можно было уловить и удовлетворенность завершением трудной, но очень важной работы и уверенность, что отобраны действительно те люди, которые смогут первыми шагнуть в космос.

Сливаются ручьи

Улеглись страсти, утихли беспокойные разговоры в коридорах авиационного госпиталя, где работала «грозная» комиссия. «Отсеянные», смирившись с неудачей, разъехались по вокзалам Москвы, чтобы вернуться в свои части.

Поступил приказ о зачислении отобранных летчиков слушателями-космонавтами. Нельзя было не заметить той внутренней борьбы, которая была написана почти у каждого «счастливчика» на лице. Конечно, каждый из них был рад, что наконец-то сбылась заветная мечта, начиналась новая, волнующая и очень интересная жизнь. И все же летчики временами чуточку грустили. Что ни говори, а не так-то легко расставаться с родным полком, эскадрильей, звеном, с близкими друзьями и товарищами. Я спросил Алексея Архиповича:

— Ну, что приуныли? Наверное, трудновато отрываться от друзей, от самолета?

— Тяжело, Евгений Анатольевич, — признался он. — Даже не верится, что больше не увижу своего МИГа. А главное, ребят…

— Ничего, — утешил я летчика, — и здесь очень хорошие товарищи собрались, — а сам подумал: «Очень хорошо, что люди любят прежний коллектив. Значит, и на новом месте скоро заживут дружно, сплоченно».

Подошел Юрий Гагарин. Он, как всегда, бодр, весел и, чувствуется, заранее уверен: куда ни попадет, везде его ждут хорошие люди. Но и он не без сожаления заметил:

— Привык к Заполярью. Будто родился там.

Будущим космонавтам был предоставлен короткий отпуск. Большинство из них отправилось в свои прежние части за семьями. Те, кому предстояло заняться обучением и обеспечением первых слушателей, сразу же принялись готовить учебную базу. Легко сказать — принялись. Все пришлось создавать заново. Складывался новый коллектив. На рабочих, техников, врачей, инженеров, лаборантов, летчиков-инструкторов, методистов, парашютистов, преподавателей физической подготовки и других специалистов легли все заботы.

Чего греха таить, много было трудностей и мало было ясности. Но дело не ждало. Под одобренную учеными общую программу подготовки космонавтов требовалось подвести конкретный план работы, а вместе с ним определить и подготовить все детали, то есть самые «мелочи», без которых не обходится ни одно серьезное дело. Пришлось немало потрудиться.

На помощь пришли ученые-медики, опытные авиационные врачи и инженеры, ученые и практики научных учреждений, заводов и конструкторских бюро. Они быстро отзывались на наши просьбы. Постоянно интересовались нашими делами Главный конструктор космических кораблей и Теоретик космонавтики — они вникали в подробности подготовки будущих космонавтов, оказывали необходимую нам помощь. Уже не десятки, а сотни, тысячи людей стали вплотную заниматься новой большой проблемой.

Напряженным, полным ежедневными заботами было это время! Работали, как говорится, от зари до зари. Подыскивались нужные специалисты. Требовались специальные помещения, оборудование. Многое надо было уточнить и в теории и в практике. Много было споров и дискуссий, тревог и волнений! Но я вспоминаю о тех днях с особой теплотой.

Разве можно забыть, как уже немолодые специалисты различных служб вместе с молодежью добровольно шли на рабочую «перегрузку», загорались все новыми и новыми идеями. Творцами в то время были все.

Да, здесь началась романтика нашей новой нелегкой, но очень увлекательной и почетной службы. Все эти люди — нынешний костяк нашего коллектива — самозабвенно служат новому делу. Это настоящие энтузиасты, патриоты космонавтики. Тогда все понимали: чтобы сделать прыжок в космос, нужен большой и серьезный разбег. Всем он был необходим, этот разбег и нам, непосредственным руководителям и исполнителям подготовки летчиков-космонавтов, и ученым, и конструкторам, которые самоотверженно разрабатывали многие не решенные еще тогда проблемы и тут же воплощали в металл то, что было добыто в исследованиях.

Истина рождалась в муках.

Немало споров возникло в связи с уточнением программы подготовки космонавтов. Совместными усилиями наши ученые, врачи, инженеры, представители спорта, летчики и многие другие специалисты создали оригинальную, стройную систему подготовки космонавтов.

Через всю нашу программу красной нитью проходит установка на активнее, сознательное участие космонавтов в учебе и работе. При этом первейшим условием является их добровольность во всем. Второе условие: не уверен, не можешь — работай еще, дерзай, тренируйся, когда почувствуешь себя сильным — выполняй.

В Америке придерживаются иного мнения. Например, известный заокеанский психолог Гератеволь утверждает, что

добровольность не имеет особого значения. По его мнению, человек будет одинаково стремиться сохранить свою жизнь как при личном согласии на полет, так и по принуждению. Символ космонавта, по утверждению этого ученого, — страх и деньги. Он рекомендует говорить космонавту лишь о риске и долларах. В связи с этим отметим одну характерную деталь: никто из наших летчиков при отборе даже не поинтересовался, какое же будет денежное содержание в связи с переходом на новую работу. А ведь у большинства из них имеются семьи. Когда им начинали говорить о материальной стороне, они неизменно прерывали:

— Вы же знаете, почему я стремлюсь в космонавты. Разве меня интересуют деньги?

Советским людям нетрудно понять этих устремленных в будущее советских молодых людей! У них чистые, благородные побуждения. Каждый из них стремится всего себя отдать служению любимой Родине. Такого отношения к делу невозможно требовать от людей «свободного», капиталистического мира.

Мы не охаиваем огульно всего того, что делают наши американские коллеги. Видимо, и в их школе имеется что-то поучительное, достойное признания. Но факт остается фактом — наши методологические и педагогические принципы подготовки космонавтов в основе своей диаметрально противоположны американским.

«Коммуна»

Бывшие летчики, а ныне — слушатели-космонавты съезжались из разных мест страны. «Дальние» прилетали на самолетах, «ближние» — добирались на поездах. Появились они у нас как-то все вместе, сразу всей группой. Так вместе проследовали в штаб. Держались немного настороженно, будто шагая в неизвестность. В какой-то мере это так и было. Летчики не совсем ясно представляли все, что ждет их на новой службе. Выглядели они молодцевато. Как бы подчеркивая дисциплинированность, докладывали четко, по-уставному.

Вскоре выяснилось, что все женатые прибыли с семьями. Мы ожидали, что могут быть среди летчиков такие, кто повременит с переездом семей. Вначале оглядится сам, устроится, а уже потом привезет и семью. Но они решили иначе: переезжать, так уж сразу, всем «гнездом».

Мы не сетовали. Оно и лучше, что так. По крайней мере, ни дня не будут чувствовать себя здесь «временщиками». Сразу закрепятся на новом месте, и жизнь пойдет веселее.

Еще в госпитале летчикам в общих чертах рассказали о новой профессии, ее особенностях. Плановая учеба, собственно, и началась с того, что их более подробно ознакомили с программой подготовки и задачами, которые теперь перед ними стоят.

Будущим космонавтам подробно объяснили, что им предстоит испытать на себе как в процессе первичной подготовки, так и в предстоящих космических полетах. Им обстоятельно рассказывали о том, как к этому надо будет готовиться и морально и физически. Коммунисты сразу задали хороший тон серьезной, рабочей устремленности всей группы.

Мы, конечно, ожидали, что все прибывшие к нам слушатели будут романтиками новой профессии. Так оно и оказалось в действительности. Но, поскольку полет в космос — романтика особого рода, рассчитанная на стальной сплав трудолюбия, упорства и энергии, нам предстояло убедить в этом наших питомцев. Одного увлечения и горячих порывов для предстоящего было мало. Обо всем этом мы говорили с ними откровенно, не создавая у них ни малейших иллюзий. Они должны были сразу правильно понять серьезность стоящих перед ними задач и реально представить все ожидавшие их трудности.

Своеобразным стартом — началом ко всем разделам подготовки — должна была стать физическая закалка. Правда, не все летчики сразу прониклись необходимостью такого старта. Некоторые недоумевали: почему понадобилось круто начинать с

усиленной физзарядки, гимнастики, легкой атлетики? Почему не начать с испытаний и тренировок на специальных установках? Приходилось объяснять, убеждать, доказывать.

Работой с летчиками дело не могло ограничиться, и вскоре мы собрали жен будущих космонавтов. Все они собрались в точно назначенное время, празднично одетые. Слушали внимательно. Чувствовалось, что с ними быстро будет найден общий язык.

Через несколько дней вместе с нашим политработником Николаем Федоровичем мы побывали в доме, где устроились космонавты. Жены их встретили нас приветливо.

— Как живете? — спросили мы.

— Все хорошо.

В этих словах не было наигранной бодрости. Выяснилось, что женщины организовали и провели свой женсовет и приняли на нем решение: активно помогать мужьям, создать им все условия для успешной учебы и хорошего отдыха. Позаботились и о досуге. Установили между собой порядок. Кто идет вечером в кино или в театр, детей может оставить у «дежурной», если муж занимается дома, жена с детьми уходит в другую комнату. Семьи жили дружно. Летчики в шутку называли свой дом «коммуной».

Жизнь начала входить в свою колею. Летчики стали серьезно заниматься физкультурой и спортом. Мало-помалу стала у них появляться тяга к бегу, гимнастике, акробатике, легкой атлетике. Утром стали подниматься в точно назначенное время — не требовались уже и будильники. Мы видели все это, но порой все же спрашивали:

— Ну, как новая работа, как жизнь? Нравится?

— Нормально! — хором отзывались летчики. — Старт взят.

Сотворившие чудо

Как-то Германа Титова один из иностранных корреспондентов спросил:

— Что помогло вам облететь Землю семнадцать раз?

Герман с присущими ему находчивостью и остроумием ответил одним словом:

— Корабль.

Все засмеялись. Но то не была просто шутка. В ответе космонавта заложена глубокая истина. Сколько прозвучало восторженных слов о тех, кто первым и вторым побывал в космосе, сколько на их молодые плечи легло лавровых венков! А ведь восхитили мир не только они.

Космонавты это хорошо понимают, и лавры славы они благодарно делят с теми, кому обязаны они своими замечательными полетами.

Нет слов, Гагарин и Титов совершили выдающиеся подвиги. Оба они первыми перенесли то, чего до них не испытал ни один сын Земли. Но настоящее чудо совершили те, кто создал замечательный космический корабль. Ведь не будь «Востока», не вырваться бы первым космонавтам из объятий земного притяжения.

За океаном бьются над загадкой русских силовых установок, рождающих такую мощность, которая в состоянии вынести на орбиту до пяти тонн полезного груза. Сами производят немало запусков, пытаясь увеличить полезный груз выводимых ими на орбиту спутников и кораблей. Американцы пытаются приблизиться к уровню русских. Но ракеты американцев часто не уходят дальше мыса Канаверал, а выведенные на орбиты спутники-корабли пока не в состоянии сравняться по своему весу с русскими. Вот из-за чего даже те, кому трудно признать приоритет Советов, вынуждены сквозь зубы цедить:

— Да, русские сотворили чудо. Советы нас обогнали. Сотворившие чудо… Вот кто прежде всех восхитил мир, вот кому по праву должны быть преподнесены первые венки славы.

Они, как и все советские люди, — труженики, для которых служение Родине — смысл жизни. Но в этом и есть величие этих замечательных людей — творцов умнейших машин. Они не претендуют на исключительность, они и не помышляют о славе, идут в ряду со всеми строителями коммунизма; они скромны и просты в общении с окружающими, они чуткие и отзывчивые товарищи.

С этими людьми нам доводится часто встречаться, как

говорится, по долгу службы. Сближают нас общие дела, общие заботы, одни цели.

Вскоре после того как началась подготовка слушателей-космонавтов, нас посетил Главный конструктор космических кораблей. Визит академика оказался несколько неожиданным. Мы знали, что он недавно по делам службы уехал в другой город, а тут мне докладывают:

— К вам выехал Главный.

Подошла знакомая машина, и мы с радостью встретили нашего доброго знакомого. Чуть медлительный в движениях, — когда дело не касается работы, — крепкого телосложения, с уже не молодым, но еще и не старым приятным русским лицом, с доброй хитринкой в слегка прищуренных умных глазах. Академик улыбался и был в преотличном настроении.

— Решил к вам заглянуть. Смотрите, какая красота здесь у вас! Воздух чудесный! Тишина, покой. Эх, сбросить бы мне годиков надцать… Непременно в космонавты пошел бы.

Мы понимали, что Главный, конечно, не за тишиной и покоем приехал к нам. Его интересовала учеба космонавтов, учебно-тренировочная база, на которой велась их подготовка. В сопровождении инженеров, врачей, хозяйственников академик начал осмотр.

Он внимательно, с пристрастием осмотрел лаборатории, специальные установки, стенды, учебные классы.

— На первых порах неплохо, — сказал ученый и добавил: — Но только на первых. Сразу же надо закладывать новые лаборатории, хорошенько оснащать вашу работу современней аппаратурой и оборудованием. Без этого нужного хода вперед не получится. А ведь нам с вами, товарищи, большая работа предстоит. Набросайте-ка проект нового корпуса, учтите все, что считаете нужным, и покажите мне.

Когда спустя неделю мы представили проект, ученый внимательно ознакомился с ним и сразу же заметил:

— Многого тут недостает. Вот что надо…

Широким и энергичным росчерком цветного карандаша он добавил главное. Потом взялся за уточнение деталей. Тут же заметил:

— Космонавтам обязательно нужны хорошие тренажеры, в том числе и действующие макеты космических кораблей. — Заметив тень растерянности на лице нашего инженера Бориса Васильевича, засмеялся:

— Да вы не стесняйтесь, С такими делами обращайтесь к нам. Найдем. Поможем.

Вскоре многое, что требовалось для учебы и тренировок

космонавтов, дали нам заводские товарищи. Появилась у нас и кабина космического корабля. Со временем привезли они нам и космический корабль, на котором совершила свое космическое турне веселая собачонка «Звездочка».

Наш высокий гость остался доволен тем, что увидал. Особенно одобрил он то, что сумели мы сделать сами — своими руками. Мы показали академику созданную своими силами современную термокамеру, сконструированный нашими инженерами и техниками для тренировки космонавтов трехплоскостной стенд-установку «ротор». Познакомившись с руководителем коллектива, конструировавшего этот стенд, незаурядным инженером и конструктором Николаем Яковлевичем, ученый заметил:

— Серьезную штуку вы смастерили. Ваш ротор пригодится не только для тренировки космонавтов. Он и нам, конструкторам, хорошую службу сослужит. Я, разумеется, имею в виду испытание техники, а не конструкторов, — пошутил ученый.

Потом он познакомился с комплексом снарядов и сооружений, предназначенных для специальной физической подготовки космонавтов. Показали мы ему и спортивный зал и открытые спортплощадки.

— Пока терпимо, — отозвался ученый. — Пока можно мириться. Но, повторяю, только пока. Для предстоящей серьезной работы с космонавтами вам надо иметь специальный корпус, типа ангара. Там надо будет расположить громоздкое оборудование и снаряды. Нужен непременно и закрытый плавательный бассейн.

Осмотр еще не закончился, когда прибыл один из наших руководителей — генерал-авиатор. Главный конструктор тепло поздоровался с ним.

— Очень кстати встретились, — сказал ученый.

— Да, нам всегда есть о чем поговорить, — ответил генерал.

Главный конструктор с присущей ему прямотой высказал генералу свои замечания в наш адрес. Пожурил за медлительность в неотложных делах. А потом сказал:

— Что же вы, дорогие друзья, не штурмуете нас. Интересуют вас новые наши модели?

— Как же нас может это не интересовать! Очень желательно было бы посмотреть, чем порадуете, — заговорил генерал.

— Всегда рады вам. Давайте договоримся, чтобы авиаторы приходили к нам регулярно и не как гости, а как соратники. Ведь авиация на самой близкой дистанции от космоса. Так я понимаю? — улыбнулся ученый.

— Конечно, так, — ответил генерал. — Собственно, авиация и породила космос. Вон они, все наши орлы, сюда слетелись из

авиационных полков.

— Что там — орлы. Я ведь тоже из авиационного гнезда вылетел, — вздохнул ученый. — Считайте, четверть века авиации отдал. Да и сейчас, как видите, с ней не расстаюсь.

Не боги, но мастера

И вот космонавты на заводе. Принял нас Главный конструктор. Он встретил всех, как давнишних знакомых, коротким «здравствуйте». Деловой разговор начался сразу:

— Считайте, что вы прибыли осваивать свой новый корабль. Он стоит вот тут, рядом. Сейчас вы его посмотрите. А перед началом серьезного дела давайте немного помечтаем. — Главный конструктор задумчиво приподнял брови и, улыбнувшись, покачал головой. — Да, люблю помечтать. Без этого не представляю себе нашу работу. Вы это скоро сами почувствуете и поймете.

И он начал свои размышления вслух. Космонавты слушали ученого и порой терялись в догадках, где явь, а где фантастика. Академик очень увлекательно и красиво говорил о том, что уже совершено, и тут же его мысль устремлялась в будущее. Слушатели словно видели перед собой стартовавшие с земли многотонные корабли. Но окончательную свою форму звездолеты обретали там, в космической выси. Туда они шли как частицы будущего большого космического спутника-жилища, станции. Останавливались они на специальной космической сборочной площадке. Там их монтировали в великолепный космический дом со всеми удобствами для одновременного размещения большого числа людей. Здесь все должно быть по последнему слову науки и техники.

И опять явь — на том корабле, что стоит тут, по соседству с рабочей комнатой Главного конструктора, скоро предстоит отправиться на трехсоткилометровую высоту.

— Полетит кто-то из вас, — обращаясь к космонавтам, говорит ученый. У него удивительная память. Он всех уже хорошо знает по фамилии, имени и отчеству. — Может полететь и Юрий Алексеевич Гагарин или вот вы, товарищ Титов…

Будущим космонавтам не верится, что это действительно может совершиться так скоро. Ведь ученый назвал очень близкие сроки. Кому же все-таки первому предоставится счастливая возможность?

— А теперь пошли в цех, — пригласил хозяин, и вся группа зашагала по коридору, ведущему в высокий просторный корпус. На ходу ученый объяснял:

— Хочу, чтобы вы поняли и то, что нашу, а теперь уже вашу машину создаем не только мы, — он указал рукой на широкий пролет цеха, в котором возле новеньких изделий хлопотали люди в белых халатах. — Здесь, так сказать, венчается дело. А начало

свое оно берет во множестве мест. У нас, собственно говоря, самое простое и легкое дело, — шутит ученый. — Мы что-то выдумали, заказали, а теперь другие работают, а мы только собираем….

Все мы уже хорошо знали и то, что значит «что-то выдумать», и то, что значит выдать заказ на изготовление нужных узлов и деталей. Знали и то, сколько огромного труда кроется за всем этим.

Космонавты вскоре убедились в том, что в создании корабля Главному конструктору и его сотрудникам помогали многие большие творческие коллективы и рабочие предприятия. Большим уважением прониклись космонавты к очень многим труженикам-героям, которых пока по ряду причин не назвали во всеуслышание, поименно! А как бы хотелось сказать всем людям земли: «Смотрите, вот они, сотворившие чудо! Воздайте им должное!»

Космонавты узнали, что Коммунистическая партия и Советское правительство наградили творцов космической техники. Тут были Герои и дважды Герои Социалистического Труда, люди, получившие ордена, удостоенные государственных премий и ученых званий.

Космонавты были приятно удивлены, когда узнали, что, помимо маститых мужей науки, в конструкторском бюро работало много молодых, но уже зарекомендовавших себя специалистов. Тут были и их сверстники, уже имевшие ученые звания. Впоследствии два молодых ученых-конструктора читали космонавтам лекции по ракетной технике.

— Не боги горшки обжигают, — говорил Главный конструктор присмиревшим космонавтам.

Он представил им собравшихся поблизости инженеров:

— Прошу любить и жаловать — ваши учителя. Под их началом и будете осваивать корабль-спутник.

Корабль стоял на небольшом возвышении и отливал новизной металла. Невольно подумалось: «Выдержит ли этот сплав, когда ему придется взять на себя тысячеградусные температуры при прорыве атмосферы?» Стоящий рядом в белом халате рабочий, будто угадав эти сомнения, завершил:

— Не беспокойтесь, ребята, сделано на совесть.

Все согласно закивали головами.

— А чтобы сомнений никаких не возникало, не отрывайтесь от рабочего класса.

— А мы и сами рабочий класс, — за всех ответил Гагарин.

— Самим от себя не оторваться, — прибавили одновременно Евгений и Валентин. Оба они в прошлом некоторое время сами

были рабочими.

Разговорились с рядом стоявшим техником. Мужчина средних лет деловито возился с проводами в кабине корабля. Космонавты наблюдали за его работой. Потом кто-то сказал:

— Оказывается, не боги горшки обжигают…

Техник внимательно посмотрел на сгрудившихся вокруг него гостей и сказал негромко, но выразительно.

— Это верно. Не боги. Но мастера. Тут у нас работают мастера высшей квалификации. Вот это, товарищи, поимейте в виду.

Первый экзамен

На заводе космонавты крепко подружились с рабочими, техниками, инженерами, хороший контакт у них установился с молодыми учеными. Довольно быстро освоили космический корабль и не только хорошо уяснили то, чему их учили инженеры-преподаватели, но теперь и сами позволяли себе высказывать «интересные» мысли. Теперь уже и космонавты думали над тем, как сделать корабль еще лучше, еще совершеннее. Правда, поначалу кто-то из конструкторов встревожился:

— Доверься этим дотошным парням, они весь корабль переделают.

Но главный конструктор решил так:

— Пусть предлагают все, что сочтут нужным. Лишь бы шло на пользу.

И летчики старались. В деталях осваивали технику, много думали над ее усовершенствованием.

Однажды за этой работой застал их Главный конструктор. Пожал всем руки и сразу осведомился:

— Как идет учеба? Не трудно?

— Все хорошо, — в один голос ответили космонавты.

После обстоятельной беседы Главный конструктор сказал:

— Ну что же, мне думается, время начинать и экзаменационную сессию. Соберем широкую комиссию, которая и определит, чему и как вы научились. Согласны?

Космонавты с волнением ждали предстоящего экзамена. В назначенный день все собрались у корабля без сигнала и напоминаний — минута в минуту. Но комиссия почему-то задерживалась. Летчиками овладело знакомое по школьным годам предэкзаменационное волнение. Чтобы снять тревожное ожидание, Гагарин предложил:

— А что нам зря время терять? Давайте я буду отвечать, а вы все, — обратился он к космонавтам, — если где навру, поправляйте.

Юрий занял место в кабине и повел рассказ о конструкции «Востока», его оборудовании, общих особенностях работы пилота, а также о том, что, как и когда должен делать космонавт при прохождении плотных слоев атмосферы и там, на орбите. Юрий еще не окончил рассказ, когда дежурный сообщил:

— Комиссия прибыла.

Гагарин не успел покинуть кабину, как вошел Главный маршал авиации К. А. Вершинин, а за ним и все остальные члены

комиссии. Как старший группы экзаменовавшихся, Гагарин собрался докладывать, но главный маршал повел ладонью — мол, обойдется на этот раз и без доклада.

— Вы что, повторяете или консультируете? — спросил он.

— Репетирую, товарищ главный маршал, а главное, пытаюсь отвлечь товарищей да и себя от экзаменационного волнения.

— Ну что ж, может быть, тогда с вас и начнем? — предложил Главком. — Вы-то сами, товарищ Гагарин, не возражаете?

— Готов отвечать, товарищ главный маршал.

Все притихли. Несколько минут полного молчания. И наконец, Юрий начал:

— Советский космический корабль-спутник «Восток» предназначен для орбитальных полетов. Силовая установка… мощность… способна развивать скорость…

Он повел спокойный и обстоятельный рассказ о чуде науки и техники, которому в недалеком будущем предстояло впервые поднять человека в космическую высь.

Юрий еще не был уверен, что именно ему доведется быть первым пилотом стоящего рядом звездолета. Он говорил о корабле, как о родном доме, о своем рабочем кабинете. Мысленно он вел сработанную соотечественниками машину по космической орбите. Членов комиссии поражало не столько детальное знание и хорошие профессиональные навыки космонавта, сколько смелость и дерзновенная устремленность его мечты, широта аргументаций и суждений, стирающих грань между фантастикой и явью. Чувствовалось умение строить логически прочные мосты, соединяющие берега нынешнего и грядущего. Это шло от Главного конструктора и его коллег, от молодых ученых, инженеров, практиков, которые, передав свои знания космонавтам, теперь стояли рядом, слушали ответ и волновались, пожалуй, больше самого экзаменовавшегося.

Ни дополнительных вопросов, ни уточнений не потребовалось. Все было изложено очень обстоятельно и верно. Похоже было на то, что речь велась не о сложнейших научных и технических вопросах, а о легких, фантастических, приключенческих делах. Казалось, будто все собравшиеся в зале вместе с рассказчиком совершили на стоявшем здесь корабле «Восток» интереснейшее путешествие в близкое завтра. Один из членов комиссии так и сказал:

— Спасибо вам, товарищ Гагарин, за интересный совместный полет. Отлично провезли вы нас по своей будущей трассе.

Потом экзамен держали и другие космонавты. И все они оказались также основательно подготовлены, все верили в могущество советской техники, все были готовы первыми

испытать неизведанное.

Провожая космонавтов до проходной, члены экзаменационной комиссии, учителя — инженеры и техники пожелали им доброго пути и просили не забывать завод, корабль и тех, кто его снаряжает в дальний путь.

— Не забудем. Дорогу к вам теперь хорошо знаем, — заверили космонавты.

Надежная защита

Шло время. Группа все чаще и чаще появлялась у своих заводских друзей. И не на одном предприятии. Космонавты побывали на многих заводах, во многих конструкторских бюро. Встречались с теми, кто создал в звездолете его мощнейшие, самые надежные в мире двигатели. Ведь это и впрямь сердце корабля!

Здесь, как и в других местах, большой и дружный коллектив конструкторов жил напряженной творческой жизнью. Люди работали с полной отдачей. Конечно же, и у них встречалось много своих специфических трудностей. Общим было то, что везде авторы великого замысла духом не падали. Они дерзали. Брали с боем всякое трудное дело: и малое и большое, и так добивались нужного результата. Творческое содружество, коллективный разум и воля помогли нашим ученым, рабочим и техникам создавать непревзойденную космическую технику. Преодолевать трудности всем помогала наша Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет. Там, как в генеральном штабе, решались самые ответственные проблемы освоения космоса, в государственном масштабе координировались усилия больших групп ученых, инженеров, техников, рабочих.

Как-то один из космонавтов заметил Главному конструктору двигателей:

— Редко мы видимся и очень мало знаем о вашем коллективе. Очень просим вас рассказать что-нибудь о себе, о ваших сотрудниках.

— О нас лучше нас расскажут вам наши двигатели. Если они удовлетворяют вас, никаких слов больше не понадобится…

Этот пример, как нам кажется, лучше всяких слов характеризует людей, создавших сердце космического корабля. Надо сказать, что такие и подобные им встречи заставляли космонавтов работать с еще большей отдачей. Эти встречи вселяли веру, спокойствие в будущих командиров рождавшегося корабля.

Собственно, корабль как таковой давно уже был готов, но в нем все снова и снова проверялось, уточнялось, шлифовалось в прямом и переносном смысле.

Космонавты тем временем также старательно работали. Их учили знатоки многих дел. Приезжали к нам специалисты по связи, радиоэлектронике, системам жизнеобеспечения и спасения, по астрономии, геофизике, навигации; тщательно отрабатывались разделы медико-биологической и летно-парашютной подготовки,

большое внимание уделялось физическому укреплению и закалке организма. Читались лекции, проводились консультации и беседы, производились выезды в конструкторские бюро, на заводы, в институты, в лаборатории. Нам помогали в оборудовании учебной базы. В общем связь со всеми дружественными организациями поддерживалась самая тесная и деловая. Все затруднения научного, технического, материального порядка, как правило, разрешались сообща и без особых трений. Но случались и горячие споры, высказывались и взаимные претензии.

Начались испытания скафандров. Готовясь к полету в космос, каждый космонавт должен был проверить свое одеяние на земле. Каждому пришлось находиться в своем скафандре по много часов. Первым испытывал скафандр Гагарин. Он сидел в кабине корабля. Там же ел и спал.

И что более всего тогда удивляло всех нас, так это широко известная теперь гагаринская невозмутимость и спокойствие. Он сразу сжился с воображаемой космической обстановкой. Другие космонавты вначале несколько скучали без привычной работы, у некоторых ухудшался аппетит. Он — нет. Наоборот, отсидев несколько часов, начал петь, потом попросил есть. Быстро расправившись с едой, уснул, как дома.

Потом начались испытания скафандров в других условиях. Космонавты, облаченные в скафандры, прыгали в ледяную воду, ныряли. Восхищениям не было предела.

— Прелесть и только! — восторгался Космонавт Три. — В бассейне рядом с тобой лед плавает, а ты никакого холода не чувствуешь!

Да, ученые и практики дали космонавтам такие замечательные средства защиты и спасения, в которых им не страшны ни безвоздушная среда, ни жар, ни холод.

Разбег

Это слово хорошо знакомо спортсменам и авиаторам. Первым разбег нужен для прыжка, вторым — для взлета. В кругу космонавтов это слово получило новую смысловую окраску. Для полета в космос тоже нужен разбег. Но принципиально иной. Он достигается не кратковременным концентрированием сил и не минутным разгоном, а большим упорным трудом, терпением и выдержкой. Только это дает возможность значительно повысить общую выносливость и закалить организм человека. Для такого «разбега» нужны испытания на различных стендах и установках, специальные полеты на самолетах, прыжки с парашютами и многое, многое другое. С одной стороны это позволяет ознакомить организм человека с воздействием многих факторов, с которыми он встретится в космическом полете, с другой стороны, разумно дозируя и повторяя действие этих факторов в лаборатории или в полете, можно повысить переносимость организма как к отдельному фактору, так и к их комплексному воздействию.

Мы, разумеется, подробно разъясняли нашим летчикам существо каждого вида испытаний и тренировок. Большинство из них сразу понимали необходимость и пользу этой работы. Но были и такие, которых убедило не слово, а только сама жизнь. Через пару месяцев, когда будущие космонавты сами почувствовали, что стали гораздо крепче, выносливее, они по-настоящему осознали, что без всесторонних тренировок и испытаний, как и без серьезных, регулярных занятий спортом, им не обойтись.

Наш спортивный городок, окруженный вековыми соснами и елями, находится под открытым небом. Здесь имеется все нужное: турники, брусья, кольца, баскетбольные, волейбольные площадки, теннисный корт, футбольные снаряды. Теперь сюда уже не надо звать желающих. Космонавты уставали на различных занятиях. Но едва наступал перерыв, они спешили в спорт-городок. Увлекались всем. Зачинщиком баскетбольных игр был Гагарин, гимнастических разминок — Титов.

Только в ненастную и очень холодную погоду занятия проводятся в спортзале. Хотя зал у нас и очень хороший, но свежий воздух ничем не заменишь.

Особенно внимательно приходится следить за нагрузкой во время спортивных игр, которые, как известно, хуже всего поддаются точному дозированию. Баскетбол, футбол, а зимой хоккей — все это несет в себе некоторый элемент азарта. При

этом, что очень важно, отменно вырабатывают волевые качества, хорошую реакцию, смелость. В игровом спорте не обходилось другой раз и без синяков. Зимой у нас в ходу термин: «Клюшка к плюшке». Что делать? Выработка нужных качеств — находчивости, решительности, натиска, координации движений — стоит того, чтобы порой походить и с шишкой и с подбитым глазом…

Диапазон спортивных увлечений расширился, когда в спортивном городке и в спортзале появилось новое «сооружение»— батут. Это подкидная сетка, на которой акробаты цирка выделывают невероятные прыжки. Через несколько недель космонавты в состоянии были выполнять на батуте уже весьма сложные упражнения. Под руководством наших преподавателей Федора Михайловича и Бориса Владимировича, страстных энтузиастов спорта, они освоили такие «номера», как «сальто» — обычное и двойное, перевороты боком, «ласточка». Все это и многое другое, может, делалось и не с профессиональной безупречностью, но зато смело, решительно.

Очень полезным видом тренировки являются прыжки в воду с вышки и трамплина. Преподаватели сумели заинтересовать и увлечь космонавтов красотой и ловкостью выполнявшихся ими прыжков. На эти занятия, требующие высокого мужества, теперь все идут с большим желанием. Сначала же оказалось, что прыгать никто не умеет. Преподавателю пришлось немало повозиться, прежде чем первый ученик покинул вышку. Летчики — народ не трусливый, но когда поднимались наверх, становились на гнущийся край трамплина, не у всех хватало воли заставить себя оторваться от опоры.

Сейчас уже не помню, кто именно оказался первым смельчаком. Лиха беда начало. Потом все одолели оторопь. Прыжки в воду увлекли не меньше баскетбола. Вскоре многие научились хорошо управлять телом во время свободного падения. Прыгали с большой высоты, выполняя «ласточку», одно и полтора «сальто».

Исчезла робость. На смену ей пришли расчет, выдержка. А это как раз и есть то, что очень нужно космонавту.

Мера мужества

Летчика обязывает и приучает к мужественному поведению его профессия. Робкому человеку в полете делать нечего.

И все же в жизни бывает так, что в одном, уже привычном, человек готов идти на самый смелый риск, а в другом, гораздо менее сложном и опасном, он никак не может решиться на первый шаг. Это случается почти со всеми людьми, которые начинают серьезно заниматься парашютным спортом. Кажется парадоксом: летчик, никогда в полете не расстающийся с парашютом, только по крайней необходимости, очень неохотно применяет его в воздухе. Есть летчики, буквально на все готовые — лететь в стратосферу или на бреющем, совершать полеты в сложных метеорологических условиях или выполнять сложнейшие фигуры высшего пилотажа, но только бы им не прыгать с парашютом. Откуда такая непонятная робость? Скорее всего причина ее кроется в недостаточной первоначальной выучке и слабой последующей парашютной тренировке такого летчика. Пока спортсмен или летчик не привык к уверенному управлению своим телом при свободном падении, он, естественно, стремится избежать этих «удовольствий».

Пришли и к нам некоторые авиаторы с весьма скромным количеством парашютных прыжков. Познакомился с ними наш инструктор — заслуженный мастер спорта Николай Константинович и сделал категорическое заключение:

— Плохо. Так дело не пойдет.

Слушатели не были повинны в слабости своей парашютной подготовки: все сравнительно молоды, еще не успели отработать этот важный для их профессии разбег.

Инструктор и не винил их.

— Наверстаем упущенное. Все зависит от вас самих, — сказал он.

Но наверстать было делом нелегким. Надо сказать, что весть о предстоящих парашютных прыжках кое-кто встретил без особого энтузиазма. Первый раз на аэродром отправлялись без радости, с чувством: раз приказано — будем прыгать.

Дело же сводится не столько даже к тому, что будущему космонавту необходимо выработать навыки, которые ему могут понадобиться при возвращении из полета (хотя и это имеется в виду), сколько в другом, более существенном: парашютный спорт, как ничто другое, вырабатывает у человека смелость, хладнокровие, выдержку, то есть именно те качества, без которых немыслимо успешное осуществление полета в космос.

Как обычно, самым трудным оказалось начало. После летчики рассказывали: кое-кто плохо спал в ночь перед прыжками. Неважное настроение было и у Валерия. И без того худощавый, он, казалось, еще больше похудел. Переживал.

По-разному можно подводить людей к преодолению трудностей. Одному человеку стоит лишь сказать утешительное слово. Другого утешение может еще больше насторожить, расстроить. Наш инструктор начал с жесткой, но справедливой требовательности. Он не привык прощать слабостей. Поначалу это не понравилось кое-кому из летчиков, но инструктор оставался верен себе.

Кто смотрел кинофильм «Первый рейс к звездам», наверное, помнит кадры, где запечатлены парашютные прыжки. Время вышло. Пора покидать борт самолета. Но паренек медлит, тушуется. Раздается твердый и категорический голос инструктора:

— По-шел!

Затаив дыхание, ученик шагает в бездну. Примерно таким был первый прыжок и у Валерия. После он сам рассказывал:

— Как оттолкнулся от самолета — не помню. Начал соображать, когда рвануло за лямки и над головой выстрелил купол.

Лучше всех прыгнул Борис. Этот прямо-таки покорил всех непринужденностью, веселостью, если так можно выразиться, своего прыжка. Именно веселостью! Он легко подошел к люку самолета, засмеялся, бросил какую-то шутку товарищам и спокойно шагнул за борт. А как он управлял своим телом при свободном падении! Инструктор не смог удержаться от похвалы, и на его дубленом высотными ветрами лице впервые появилась улыбка. На земле он сказал Валерию, указывая на стоявшего неподалеку Бориса:

— Вот как надо прыгать! Учитесь.

— Ему по штату положено тон задавать — он партийный человек, — не растерялся Валерий.

Инструктор продолжал требовать. Нередко слышался его зычный, разгоряченный голос:

— Все будете прыгать вот так же, как Борис. И сами еще попросите дать вам дополнительные прыжки.

Пока таких просьб не было. Группа проводила недели на отдаленном степном аэродроме. Запыленные, в пропотевших комбинезонах, летчики по нескольку раз в день поднимались на высоту и падали навстречу земле. Прыгали не только над степью. Хорошо успевающим инструктор разрешил прыжки в воду, где отрабатывалось умение приводняться. Это не простое дело.

Нужно научиться за несколько метров до воды отстегнуть карабины лямок, освободиться от купола, а затем с головой уйти в пучину. Конечно, при полной амуниции это далеко не то же самое, что происходит во время прыжка с вышки в бассейне. Однако и через эту «купель» успешно прошла вся группа. И выходили из нее, словно очередной раз отмытые от пыли робости. Потом уже летчики легко шли на каждый очередной прыжок и приземлялись точно в заданном кругу.

На степном аэродроме группе пришлось побывать не один раз. Однажды летчики прибыли сюда в то время, когда уже спал летний зной и вместо жарких суховеев на них дохнули мокрые, осенние ветры. Ночи стояли темные, дождливые. Собственно, темень и нужна была. Группа готовилась к ночным прыжкам. Мешала плохая погода. Часто по ночам инструктор выходил из аэродромного домика и нетерпеливо ждал, когда же наконец, утихнет ветер и прекратится дождь.

Долгими осенними вечерами ребята вспоминали родные места, училище, полки. Но больше всего любили слушать инструктора. Николай Константинович оказался интересным рассказчиком. А поведать ему было о чем. Он знал множество самых невероятных историй из жизни парашютистов. Сам был очевидцем и участником больших событий в советской авиации. Летчики, считавшие и себя в какой-то мере знатоками истории покорения пятого океана, узнали от него много нового.

У кого не захватит дух от одной мысли, как известный парашютист Наби Аминтаев покидал самолет без кислородного прибора на восьмикилометровой высоте или как совершал прыжок Василий Романюк, когда высотомер показывал более 13 тысяч метров. Нужна стальная выдержка, чтобы окунуться на такой высоте в ледяную, пятидесятиградусную воздушную ванну. Ни один человек до него не видел нашу планету с такой высоты из-под купола парашюта! А чего стоит рассказ о том, как известный летчик-испытатель Герой Советского Союза Сергей Анохин в тяжелейших условиях совершил неподражаемый по мастерству и смелости прыжок с развалившегося в воздухе планера!

Живо представилась летчикам и картина спортивного торжества на киевском стадионе «Динамо», куда приземлился парашютист Остряков, отделившийся от самолета на высоте всего лишь 80 метров.

Инструктор увлеченно рассказывал и о своих собственных прыжках. Каких только не было здесь «чудес»! Прыжки со штопорящих машин, прыжки со скоростных самолетов, участие в союзных, европейских и мировых соревнованиях вместе с

виднейшими мастерами парашютного спорта.

Рассказал инструктор и о мужественном эксперименте парашютиста Харахонова, который, покинув самолет на высоте трех тысяч метров, сначала планировал на специальных крыльях, а на подходе к земле сбросил их, раскрыл парашют и как нельзя лучше приземлился…

Все слушали эти волнующие рассказы и еще больше загорались романтикой свободного падения. Теперь уже не надо было приглашать, приказывать — слушатели сами все делали с охотой, с неподдельным задором, с настоящим вдохновением. Пристрастились они к парашютным прыжкам потому, что уже по-настоящему испытали и первые трудности, и одержали первые победы.

В одном из прыжков Алексей — наш самодеятельный художник — попал в штопор. Парня сильно закрутило. Казалось, не справится с головокружительным вращением. Первая попытка остановить штопор и начать управлять телом, как учил инструктор, оказалась тщетной. При втором энергичном выбросе рук и ног в стороны вращение прекратилось. Раскачиваясь под куполом, парашютист громко запел от нахлынувших чувств…

То же повторилось и с Германом Титовым. Он тоже сумел укротить бешеную силу штопора.

Однажды в три часа ночи группу поднял сигнал срочного сбора. Наконец-то ветер стих. Ночь выдалась звездная, тихая. Ребята волновались. Но это уже было не тревожное беспокойство новичков. Волновались примерно так же, как когда-то перед первым долгожданным полетом в училище.

Если не так просто было шагнуть за борт днем, когда внизу видна далекая земля, то еще сложнее сделать это ночью, когда надо броситься в неизвестность. И все же ночные прыжки космонавты провели более уверенно и стойко, чем первые, дневные. Видно, окрепли нервы. Эмоции, как говорил врач Алексей Александрович, приобрели устойчивый стенический характер.

Если ты коммунист

Вскоре после того, как оформилась группа, состоялось партийное собрание. Первое собрание коммунистов-космонавтов и их руководителей, учителей, врачей, инженеров, материально-технических работников. Собрались в большинстве люди молодые. Оказалось, что многие ранее избирались в состав партийного бюро, а один из летчиков — Павел Романович прежде был секретарем парторганизации эскадрильи. Среднего роста, плотно сбитый, с добрым открытым лицом капитан Романыч, как называли его попросту, прошел нелегкую трудовую жизнь. Он отличался веселым нравом, слыл незаменимым песенником. Летчики — народ, умеющий быстро ориентироваться в обстановке и людях, — сразу оценили Павла Романовича и единодушно избрали его секретарем своей партийной организации.

На первом же собрании пошел разговор о выполнении предстоящей программы подготовки. Выступали представители Главного штаба ВВС, медики, ученые, инженеры. Потом — слушатели.

Честно говоря, мы несколько беспокоились, хорошо ли пройдет первое собрание, не отсидятся ли новички стеснительными молчунами. Но этого не случилось. Летчики вели себя как равноправные члены партийного коллектива.

Хлопот навалилось сразу очень много. Надо было одновременно приступить к организации многих направлений работы, к составлению многочисленных планов и расписаний. Требовалось все учесть, предусмотреть до мелочей. Успех зависел от того, как каждый работник возьмется за свою так называемую черновую работу. Первыми, кто помог уплотнить, казалось, сжатый до предела распорядок рабочего дня, были коммунисты. Они увлекали личным примером весь коллектив. Ничего друг от друга не таили. Живя по соседству, открывали, как поется в песне, настежь окна и сердца. В свободное, внеслужебное время ходили в гости, поздравляли с праздниками, с прибавлением семьи, не забывали заболевших — приносили им подарки, сообщали приятные новости.

Захворал однажды и я. Скрутило — головы не поднять. Лежу в постели, а мысли там — на службе: все ли порядке? Звонок. Жена открывает дверь. На пороге — группа слушателей. Веселые, шутят:

— Поменялись с медициной ролями — пришли диагноз командиру ставить.

Очень меня тронул и обрадовал неожиданный визит. У ребят дел по горло, а вот нашли время заглянуть. Мне бы их усадить поближе: хочется узнать, как идут занятия, тренировки, что нового?.. Да не могу. Говорю:

— Не подходите близко — у меня какой-то особенно вредный грипп.

— Мы антигриппозные, — смеются гости.

Пробыли они у меня недолго, но принесли что-то особенно благотворное. Во всяком случае я сразу же почувствовал себя несравненно лучше.

Потом пришла Валя Гагарина — наш молодой медик-лаборант. Она взяла кровь на анализ, принесла всевозможных снадобий. Дело быстро пошло на поправку.

С первого же дня пребывания на новом месте службы на вооружение было взято испытанное оружие — критика. Не помню, кто именно из летчиков предложил:

— Давайте, товарищи, сразу договоримся — принимать критику как должное. Она, конечно, не очень приятная штука, вроде хины. Но средство надежное. Принимать его «заболевшим» придется, как правило, принудительно.

Алексей попытался было смягчить предложение:

— Критика между товарищами должна быть доброжелательной. Надо так критиковать, чтобы не обижать человека…

— Скажи еще, что критика должна вызывать у провинившегося удовольствие, — бросил кто-то.

В общем «хина» без промедления была пущена в ход. Должен признаться, что прежде всего принять ее изрядную дозу пришлось нам, руководителям.

Случилось так, что произошли у нас некоторые неполадки с тренировками на центрифуге. Были на то и объективные, и субъективные причины. Надо было экстренно исправлять положение. Первыми забили тревогу коммунисты. Вначале на заседании бюро, а потом на партийном собрании они дали решительный отпор тем, кто был виновен в неполадках и высказывал неправильные взгляды на эти тренировки. Пришлось принимать «хину» и ответственным за тренировки — Владимиру Васильевичу и Григорию Федуловичу. Оба они добросовестные работники, но на первых порах не учли некоторых особенностей работы, — а это и привело к ряду неполадок в тренировках на центрифуге.

Кое-кому из своей среды летчики указали на недостаточно серьезное и малостарательное отношение к тренировкам и

занятиям. На одном из партийных собраний поднялся Павел:

— Товарищи, что же это получается? Люди мы серьезные, сознательные, беспредельно любим свое дело, на все идем по доброй воле, а то и дело приходится нам напоминания различные делать… Вот Алексей. Тяга у него к искусству. Рисует он хорошо. Но армейскую форму одежды нельзя нарушать даже художнику… Или взять Гагарина. Вчера вечером преподаватель читает лекцию, а он сидит с приятелем чуть ли не в обнимку… Того и жди, что кто-либо станет на занятиях вести «морской бой»… Подмечая недостатки других и требуя от всех лучшего отношения к нашему общему делу, давайте, друзья, стараться быть во всем образцовыми. Стараться быть примером дисциплинированности, организованности, сознательности. Надо самим за себя серьезно взяться.

Павла поддержали другие.

Получил по заслугам и Титов. У него появилась было личная точка зрения на тренировочный бег… Он считал, что бег — лишенная смысла затея, и потому относился к нему без энтузиазма. Другие попали под огонь критики за нарушения распорядка дня и «мелкие» провинности.

Но не только на собраниях кипели страсти. Чаще случалось так, что группа не ждала плановых заседаний. Горячие, по-настоящему партийные разговоры той дело возникали в перерывах между занятиями, по пути в столовую или на спортплощадку, в автобусе, отправлявшемся куда-нибудь на завод или в институт. Говорили прямо, честно.

Как-то с космонавтами, отправлявшимися в автобусе ка очередные тренировки, ехал ведущий врач, член партбюро — Андрей Викторович. Гагарин подсел поближе к нему и предложил:

— А не провести ли нам летучее партийное собрание, Андрей Викторович?

— Какое-такое собрание в дороге? — переспросил тот.

— Можно и не в дороге. Давайте после занятий останемся всей группой и обсудим…

— А что обсуждать? — спрашивал член партбюро.

— Да вот, стал известен досадный случай невнимательности к человеку.

И Юрий объяснил. К одному нашему сотруднику, очень скромному и трудолюбивому, несправедливо отнеслись хозяйственники. Все это осталось никому не известным. Космонавты узнали об этом и решили исправить ошибку, помочь товарищу по работе.

Андрей Викторович возьми да и скажи:

— Я думаю с этим делом мы без собрания, и так разберемся…

— Как так «я думаю без собрания разберемся»?! — в один голос воскликнули ребята. — А как же мы собираемся проводить воспитание наших коммунистов? На одних призывах или на конкретных примерах? Сегодня этот случай, завтра может произойти другой.

Собрание-таки состоялось. Правда восторжествовала, и кое-кто «намотал себе на ус» этот урок.

Судьба товарища

Доктор был в восторге от своих «пациентов». Помню, возвратившись с аэродрома, он рассказывал:

— За свою жизнь я многое перевидал, перечувствовал. Воевал на Халхин-Голе, служил под началом знаменитого Полбина. Вместе с полком дошел до Берлина. Мужественные люди у нас служили. И все же не могу не восхищаться нашими будущими космонавтами. Нет, они пока не совершили ничего героического. Но посмотрите, с каким оптимизмом они трудятся! Жара. Дождь. Темнота. А они шагают на все занятия, будто на прогулку. Веселые, бодрые и, честное слово, по-настоящему красивые. Все ведь — как на подбор. А самочувствие-то какое?! Пульс и дыхание образцовые и до прыжков, и во время падения, и после.

Довольна своими «подопечными» и старший лаборант Вера Ивановна. Она перед прыжками и после них регистрировала электрофизиологические показатели.

— Я и без приборов видела, что переносят ребята эту тренировку превосходно, — говорила она после.

У летчиков были хорошие, товарищеские отношения с Верой Ивановной. Они посвящали ее в свои несложные житейские дела, считались с ее мнением. Она же в свою очередь заботилась о космонавтах. Следила, чтобы отдыхали как следует, вовремя питались, старалась поддерживать у них хорошее настроение.

Парашютные прыжки еще больше сблизили, сдружили группу. Все стали внимательнее относиться друг к другу. Выражалось это своеобразно: особенно заботливо помогали друг другу застегнуть парашютные лямки или предлагали свои «более удобные» летные куртки…

По-своему заботился о ребятах инструктор. Делал он это, правда, без восторгов, но с добродушной строгостью и по-прежнему взыскивал за малейшую неточность.

Кто-то из космонавтов заметил трогательную деталь, когда инструктор сам готовился к прыжку, он был совершенно спокоен. Но когда готовил к прыжкам других — волновался.

Группа быстро осваивала программу. Случилось, что немного захворал один из космонавтов — Григорий. Врачи решили временно отстранить его от прыжков. Куда там! Упрашивал и инструктора и врачей не «резать» его.

— Я же здоров, — уверял он. — Я не могу отстать от товарищей… Дайте допрыгать.

Все же Григорию пришлось лечь в лазарет, «Выручила» его погода — полил дождь. Группа осталась в общежитии.

Григорий с небывалым послушанием лечился. Редко встречался столь примерный и старательный пациент. И надо было видеть, с какой радостью он собирался на прыжки, когда лечение было закончено и его выписали из лазарета.

— Ну, — улыбаясь, однажды спросил инструктор. — Интересно прыгать?

— Очень интересно, — хором отвечали ученики.

— Все. Программа выполнена. Прыжки закончены, — объявил инструктор.

— Как? Совсем? — не поняли ребята.

— Пока да. Летим домой.

Летчики все тут же стали Доказывать, что каждому из них необходимо для закрепления опыта сделать хотя бы еще по одному прыжку.

В тот день в боевом листке «Жизнь на старте» появился дружеский шарж под названием: «Невиданное в авиации». Алексей нарисовал инструктора в величественной позе. На коленях перед ним стоят космонавты и упрашивают разрешить им сделать хотя бы по одному парашютному прыжку. Лаконичная подпись гласила: «И пали ниц у ног десантного владыки». Всем очень понравилась эта шутка. Весело было в гостинице. Теперь, когда работа успешно была — закончена, больше всех смеялся инструктор. Он не без удовольствия припомнил:

— Я же вам говорил?.. Попросите еще…

Группа отправилась на дальнюю прогулку. Побывали в городе Саратове. Долго стояли у памятника Чернышевскому. Космонавты хотя и молчали, но чувствовалось, что каждый из них думал об одном и том же — о мятежной жизни великого демократа и его единомышленников, о тех, кто завидовал внукам и правнукам своим, которым доведется видеть Россию в наши дни.

У Владимира спокойный характер, и голос его редко выделяется в шумливом разговоре или горячем споре, который в свободные минуты часто возникает в группе. Но вот всплывает какой-либо сложный теоретический вопрос, и товарищи обращаются к Володе: он недавно закончил военно-воздушную академию и хорошо разбирается в вопросах теории.

Когда летчики-космонавты стали штурмовать высшую математику, Владимир стал «центром притяжения». Трудная это наука. Нелегко она давалась ребятам. Многие перезабыли алгебраические формулы, которые изучали в средней школе и в военном училище. Требовалось оперировать интегралами, и летчикам нередко приходилось смущенно пожимать плечами. Владимир же чувствовал себя в этих «больших материях», как

рыба в воде.

Преподаватель по ракетной технике, кандидат технических наук Цезарь Васильевич оказался общительным, очень приятным человеком. Он часто улыбался и шутил. При необходимости он терпеливо повторял трудные формулы, возвращался к азам геометрии или алгебры. И все же слушатели после занятий подходили к Владимиру:

— Володя, что-то не совсем понятно. Помоги.

Доброжелательный, он неизменно отвечал:

— Сейчас разберемся.

Объяснял доходчиво, легко, как определили ребята, — «не хуже самого Цезаря», то есть преподавателя. Он часами помогал товарищам. Хорошая это черта у Владимира: с охотой он делился своими знаниями.

А между тем над самим Владимиром сгущались тучи. Еще в госпитале, при отборе космонавтов у него было обнаружено легкое заболевание. В крепком, выносливом организме нашелся изъян. Было решено так: в число слушателей его зачислить, но сразу же сделать операцию. После лечения он наравне с другими будет готовиться к космическим полетам.

Помню, как Владимир прощался с товарищами, отправляясь на операцию. Внешне, как всегда, был спокоен, уравновешен, но в глазах проглядывала тоска. Операция несложная, и Владимир шел на нее без всякого волнения. Беспокоило его другое: что будет после операции? Он будто чувствовал, какие потом могут возникнуть осложнения. Настроение падало еще и оттого, что товарищи отправлялись в командировку — на парашютные прыжки, а он — в госпиталь. Человек отделялся от своих. Нелегко перенести такое испытание.

Спустя две недели Владимир возвратился из госпиталя. Заключение гласило, что он только через шесть месяцев, если все пойдет хорошо, может быть допущен к парашютным прыжкам, к выполнению серьезных физических упражнений. Шесть месяцев — большой срок. За это время товарищи далеко уйдут вперед, он же сильно отстанет и вряд ли потом сможет догнать.

Вот тогда-то и возник вопрос: не лучше ли Владимира вернуть к старой специальности? Должен признаться, и я начал склоняться к этому решению. Мне тоже казалось, что Владимир, несмотря на свой упорный характер и техническую грамотность, не сможет наверстать упущенное, окажется неудачником-одиночкой. Быть в такой роли для него — двойное огорчение. Лучше уж сразу поставить все точки над «и». Жалко отчислять такого человека, но что делать? Но мы тогда еще мало знали Владимира. Когда ему деликатно было все высказано, он не

дрогнул, не растерялся. Подумал, потом твердо заявил:

— Я прирос к новому делу, можно сказать, душой. Уйти от него не могу. Считаю, что у меня хватит сил догнать товарищей и стать полноценным космонавтом. А пока смогу, как и все, изучать теорию, помогать товарищам… Обузой не буду.

Ну, что ответить на такие слова? Мы не приняли окончательного решения. Временно, как говорится, вопрос остался открытым.

Владимир тем временем упорно боролся за свою судьбу. Он побывал у видных армейских специалистов-врачей. Его приняли старшие начальники… И везде доказывал свое. Мне звонили. Чувствовалось, что и начальников и врачей-специалистов Владимир покорил страстной устремленностью к цели.

Пришли летчики, товарищи Владимира. Они просили, доказывали, убеждали: Владимира надо оставить в группе. Преподаватели физкультуры обещали заниматься с ним отдельно. Инструктор-парашютист рассказывал, что и у него была подобная операция и он спустя некоторое время стал успешно прыгать с парашютом. Он убежденно заявлял:

— Будет прыгать не хуже других.

Летчики добавляли:

— Ручаемся за него, он не ударит лицом в грязь.

Старший группы дважды приходил ко мне с ходатайствами за Владимира. Я знал, что эти два летчика — закадычные друзья. Но в разговоре со мной старший группы только доказывал:

— Володя очень ценный для нас человек.

Коллектив встал горой за одного человека.

Было решено: понаблюдать, как покажет себя Владимир на тренировках.

Спустя два месяца с необходимой осторожностью его допустили к перегрузкам. И что же? Организм оказался крепким. Через полгода после операции Владимир стал хорошо переносить большие нагрузки и полностью наверстал упущенное.

— Мы же говорили, что не отстанет, — с гордостью повторяли летчики.

Да, было чем гордиться: товарищ остался в строю.

Можно рассказать и еще об одном случае.

Однажды в воскресенье, купаясь в речке, Валентин неосмотрительно нырнул на мелком месте и сильно ударился головой о песчаное дно. Травма была тяжелой. Парня отправили в госпиталь. Неделю спустя поехала туда делегация от группы. Повезли подарок — гитару. Ей особенно обрадовался Валентин — он умел играть на гитаре. К нам в часть он приехал со своим стареньким неразлучным инструментом. Все собирался купить

новый.

Преподнесли подарок, как обычно бывает у молодых людей, весело, с шутками.

После госпиталя летчики пожаловали ко мне. Вопрос был один: останется ли их друг в строю?

Что я мог ответить? Все зависело от заключения врачебно-летной комиссии, А оно пока было далеко не ясным. Так пришлось и сказать товарищам.

Через месяц офицер вернулся к нам хмурый. Его отстранили от подготовки к полетам в космос на продолжительный срок. Встал вопрос: как решить его судьбу? Оставлять в группе было нельзя. Он и сам это понимал. Но как же быть? И тогда решили: из части не отправлять, перевести на другую работу. Со временем, когда здоровье восстановится, повторно можно будет рассмотреть вопрос о включении Валентина в группу космонавтов. Он без раздумий согласился:

— Останусь на любой должности, лишь бы со временем вернуться к полюбившемуся делу, к товарищам.

И остался у нас. Всех очень обрадовало это решение. Летчики от радости подхватили товарища на руки.

Космонавты все делят между собой по-братски: и беды, и радости. Случись у кого неприятность — к нему тянутся руки и сердца. А если у кого удача — тоже радуются все, как своему личному.

Слетанная группа

Так уж повелось: с самого начала летчики ходили и ездили везде всей группой. Перед выходным днем и теперь порой не обходится без споров. Один тянет в театр, другой — на стадион, третий — в музей… Нелегко сговориться: разные вкусы, склонности, интересы. И все же всегда договариваются, всегда находится одно решение. Смотришь, вместе едут в театр, на новый спектакль. Тот, кто раньше звал на стадион, смутившись, с улыбкой объясняет: «Компанией веселее». Другой, что агитировал за музей, находит, что там можно побывать в следующий раз. «Куда все, туда и я. Не люблю отделяться», — оправдывается парень.

Сказалась летная традиция: чтобы надежно чувствовать крыло товарища в небе, непременно надо с ним на земле держаться впритирку. И никто из космонавтов не нарушает неписаных законов войскового товарищества.

Помнится, как они отозвались на вызов спортсменов института — провести товарищескую встречу по волейболу. Все знали, что в институте сильные, опытные игроки. У нас же волейболисты «средней руки». Силы, конечно, неравные. После короткого совещания космонавты, однако, решили: «Сыграем». Кое-кто не очень решался мериться силами, но раз большинство сказали «да»— возражений не последовало.

Мы ожидали разгрома. Летчики заверяли: «Выдержим». И действительно, в принципе выдержали. Во всяком случае, разгрома не было. Мастерству институтских игроков была противопоставлена очень старательная коллективная игра. Играли самоотверженно, продемонстрировав большую выдержку и волю. Правда, встречу все же проиграли, но, как говорится, лицом в грязь не ударили. Домой возвращались веселые, с сознанием, что не уронили своего достоинства. Соперники и болельщики говорили: «Слетанная у вас группа».

Слетанная группа — очень высокая в авиации оценка. Выше, пожалуй, нет. И это закономерно. Ведь, оцениваются не одиночки, а коллектив. А стоит чего-то лишь тот коллектив, который умеет действовать дружно, спаянно. Похвала такого рода больше всего радует наших летчиков. Они стремятся к тому, чтобы не кто-то один отличился и выделился, а чтобы отличился весь коллектив.

Больше всего у нас ценят взаимную выручку, взаимную поддержку. Помогать друг другу стало обязательным делом — долгом каждого, традицией. Это относится и к учебе, и к быту. Тот, кто силен в одном деле, с большой охотой помогает в этом

товарищам и знает, что в другом деле, если будет нужно, они тоже придут к нему на выручку.

В тот день, когда семьи получили квартиры в новом, благоустроенном доме, часть летчиков находилась в командировке. Надо было перевозить вещи, а одни женщины, понятно, с этим не справятся. Находившиеся дома ребята в первую очередь отправились на квартиры командировочных.

— Вас переселим, потом начнем сами въезжать, — сказали они. — И действительно, пока не перевезли семьи товарищей, не помогли им устроиться — не занялись своим переселением.

Юрий Гагарин и Герман Титов теперь известны всему миру. Но они не отделяются от группы. Отношения с товарищами у них прежние — самые дружеские. И, пожалуй, нигде они не чувствуют себя так хорошо, как в своем родном коллективе. Каждый раз, возвратясь из очередной заграничной поездки, они прежде всего спешат к своим друзьям. Подробно рассказывают обо всем, что им довелось примечательного увидеть, узнать.

Голос «Нептуна»

Ярким апрельским утром в вестибюле нашего профилактория, где обычно между занятиями собираются космонавты поиграть в бильярд, шахматы или просмотреть газеты и журналы, внимание всех привлек свежий, ярко разрисованный бюллетень. На большом ватманском листе была искусно изображена телеграмма из космоса: «Дмитрию. Вручить срочно. Нептун и все его соседи, а также прикомандированные к ним твои друзья по космической дороге от души поздравляют тебя, сын Земли, с днем рождения (в ангела мы не верим) и желают тебе прожить столько, чтобы ты сумел слетать до Андромеды». Ниже — «космическая» печать и подписи космонавтов.

Дмитрий очень был тронут вниманием друзей. Он только и смог сказать стоявшему рядом Алексею:

— Спасибо тебе, Леша… А я и забыл, что сегодня у меня день рождения…

Немало стенных газет и бюллетеней оформила искусная рука самодеятельного «космического» художника. Все отдают дань неистощимому юмору, выдумке, щедрому вниманию Алексея к людям. Впервые летчики познакомились с творчеством Алексея еще в госпитале, когда проходили отборочные испытания. Там и вышел первый номер стенгазеты кандидатов в космонавты. Назывался этот номер — «Шприц». Многое из того, что летчикам пришлось перенести за несколько недель, проведенных в госпитале, уместилось на листе ватмана. Здесь был, как говорили летчики, и смех, и грех. Одни бежали от гнавшегося за ними огромного медицинского шприца, других приводила в ужас центрифуга. Были и такие, которые просили «высадить» их из барокамеры на сравнительно малой «высоте», хотя не раз в прошлом успешно переносили большие «высоты». Карикатуры, дружеские шаржи и подписи к ним были удачные и остроумные.

Когда оказалось, что в группу слушателей попал и Алексей Архипович, все обрадовались:

— Теперь у нас будет свой Борис Ефимов.

Ефимов не Ефимов, а самодеятельный художник Алексей был неплохой. С первого же дня новой службы он горячо взялся за работу: усердно занимался специальной подготовкой, а свободное время посвящал любимому занятию — живописи. Партийное бюро поручило ему выпуск стенной газеты, выделив в помощь еще двух космонавтов.

Выходила стенгазета под разными заголовками: «Космонавт», «К звездам», «Голос космоса». Но больше всех понравился

«Нептун». Воинственный старик с буйной бородой и с трезубцем в руках придирчиво заглядывал во все уголки нашей жизни — беспощадно критиковал, а если надо — хвалил.

Когда Юрий Гагарин совершил свой замечательный полет, океанский владыка встретил на страницах газеты покорителя космоса, как равный равного, даже с чувством некоторого преклонения перед подвигом землянина — и преподнес ему хлеб-соль.

Когда правительство наградило наших товарищей за успехи в освоении космоса, «Нептун» первым поздравил их, а потом рассказал об их заслугах. Вот под крылом Ивана Алексеевича — опытного летчика-испытателя, отвечающего за раздел летной подготовки, собрались все, кому суждено вслед за Гагариным и Титовым вырваться в просторы Вселенной. Тут же идет рассказ и о руководителях и о рядовых сотрудниках, не помышляющих пока о личном участии в космических полетах. Они тоже отмечены правительством. Среди них и наша лаборантка Валентина Гагарина.

В «Нептуне» печатали и известных поэтов, и местных авторов.

Нравится «Нептун» всем за то, что остер на язык и беспощаден в юморе. Многим от него досталось. Космонавты дали слово не курить. Все помнят обещанное и держат слово, а вот двое «забыли». И «Нептун» вывел на чистую воду ушедших в подполье курильщиков. Главное, что сердит «Нептуна» — это то, что они не сдержали данного слова!

«Нептун» неотступно следовал за своими молодыми друзьями. Ездил с ними в командировки — там он быстро обживался и уже через один-два дня сообщал об отличившихся в работе и учебе, о тех, кто сбивался суверенного шага. Вот некоторые кадры, выхваченные «Нептуном» из жизни космонавтов. Дождь. Ветер. Из водосточной трубы домика хлещет вода. Но энтузиастам спорта плохая погода не помеха. Они продолжают заниматься физической подготовкой. И не по принуждению, а по охоте, может быть, даже из озорства. И лишь два предусмотрительных, пессимистически настроенных летчика сидят на крыльце под навесом, с грустью смотрят на ливень и удивляются, глядя на своих одержимых друзей. Те, кто недавно спасовали перед дождем, сразу себя узнают: художник умеет схватывать характерные черты сходства.

Совершили как-то космонавты дальнюю прогулку. В реке купались, из водяных лилий венки плели, играли в волейбол. Тут же у реки заночевали. И вездесущий «Нептун» пришел на огонек. Усевшись вместе с отдыхавшими у костра, он все высмотрел и назавтра преподнес в ярких красках. Ночь. Костер. У огня

космонавты и «Нептун». Вроде бы, ничего особенного? Нет, это очень здорово! Пройдут годы — и космонавты непременно вспомнят эту теплую летнюю ночь. Может быть, она не раз припомнится им и там, на космических трассах. Ведь этим людям ничто земное не чуждо. Наоборот, готовясь к дальним рейсам, они еще больше проникаются любовью к своей земле, к сладковато-горькому дымку костра, к запаху хвои, грибов.

Когда проходили парашютные прыжки, «Нептун», казалось, поднимался в воздух, потому что знал все перипетии. Дмитрий совершил первый прыжок, а два его товарища Валентин и Виктор — семидесятый; Титов попал в штопор, а Космонавт Три, ранее испытавший эту беду в воздухе при снижении, передает ему свой опыт; новичок не решается взглянуть за борт самолета, а суровый инструктор требует, чтобы тот прыгал; уже натренированные летчики с нетерпением ждут очередных прыжков, а заботливый врач по-прежнему все еще тревожится за них и готов сам вместо них прыгнуть, — так рассказывал «Нептун» о жизни космонавтов.

А вот рисунок «По этапу». В открытом автомобиле сидит заросший до глаз, бородатый человек. Рядом с ним Космонавты в белом халате и шапочке врач. У дороги в удивлении женщина: «Не иначе арестанта везут». В шарже не трудно узнать эпизод из жизни Германа Титова, который, успешно закончив испытание многосуточной изоляции в сурдокамере, изумил всех своей бородой.

Многое из жизни космонавтов подмечает их стенгазета. Тут есть и радости удач, и огорчения за промахи, и добрые советы, и злая сатира, и восхищение совершенным, и мечты о штурме новых вершин. Мифический «Нептун» верно служит земным делам!

Много ли космонавту нужно?

К одному из наших космонавтов приехал товарищ — майор летчик-истребитель из далекого гарнизона. Встретились бывшие однополчане радостно. Пошли расспросы, рассказы. Гость сообщил полковые новости. Люди растут: один командиром звена стал, другому внеочередное воинское звание присвоили, того командиром эскадрильи выдвинули, а этот уехал в академию. Сам майор летает на новейшем истребителе. И тут же, как бы между прочим, осведомился:

— Ну, а как, Женя, твои дела?

Космонавт пожал плечами:

— Без изменений. Чины те же. Да я за ними и не гонюсь. Главное — живу в своей стихии. С головой окунулся.

Майор обратил внимание на полки с книгами в комнате товарища. Подошел, развернул одну, другую и удивился: каких только здесь книг не было! Резолюции партийных съездов, история, сплавы металлов, искусство, электроника, медицина, ракеты, метеорология, спорт, поэзия, астрономия, математика, психология, приборостроение, география, физика… Гость недоверчиво спросил:

— И все это тебе нужно?

— Конечно, — ответил хозяин.

Майор не поверил.

— Ну, я понимаю, Циолковский, Кибальчич, «Туманность Андромеды», современное ракетостроение — это, так сказать, твой хлеб. Но Макаренко, Репин, Павлов, Станиславский… — какое эти книги имеют отношение к космосу?

В ответ космонавт рассказал приятелю, как однажды пришлось ему побывать в институте, имеющем близкое отношение к космонавтике. Разговорились о профессиональных делах. Неожиданно перешли к искусству. Один из научных сотрудников спросил космонавта:

— А что вы, Евгений Васильевич, скажете насчет живописи Пикассо? Тона — прямо-таки фантастические. Кажется, что художник из космоса взглянул на нашу планету. Здорово!

Космонавт для приличия согласился, что у Пикассо действительно тона получаются «здорово», но сам понятия не имел о живописи Пикассо. Пришел домой расстроенный: ведь с ним говорили как равные с равным, а он оказался невеждой. И, может, именно тогда впервые не на словах, а на деле Евгений понял, как много ему надо знать. На космонавта смотрят, как на человека высокообразованного: в арсенале человеческих знаний

столько наук, имеющих прямое и косвенное отношение к его профессии. Ему нужны и психология, и электроника, и спорт, и медицина, и металловедение, и многое, многое другое.

— Вот теперь сам и посуди, много ли нам, космонавтам, надо? — улыбаясь, спросил хозяин гостя. И тот согласился:

— Да, много!

Об этом случае я вспомнил не столько затем, чтобы показать, что наши слушатели тянутся за высокообразованными специалистами, с которыми им постоянно приходится работать, сколько в подтверждение того, что новая профессия, именуемая космонавт, как в фокусе, собирает в себе самые разносторонние человеческие знания. Это самая молодая профессия нового времени. «С веком наравне!» — нестареющее пушкинское определение стало девизом наших слушателей в самом прямом смысле слова.

Духовный мир их разнообразен и высок. С первых дней учебы они жадно потянулись к знаниям. Кроме так называемых плановых предметов и занятий, они самостоятельно знакомились со многими отраслями науки. Посещали лекции по новой технике. Крепко сдружились с Главным конструктором космического корабля, который по-отечески поощряет их ненасытное любопытство.

На одном из партийных собраний Гагарин поднял вопрос о необходимости для космонавтов серьезной инженерной подготовки, о получении высшего инженерного специального образования. Все единодушно поддержали его. Мы тоже согласились. Надо сказать, что космонавты, не дожидаясь наших советов, сами принялись за самостоятельную подготовку. Много занимались дома, по-настоящему полюбили книгу.

За последнее время наша библиотека заметно обогатилась. Но теперь она уже не могла удовлетворить возросшие запросы летчиков. Надо сказать, наши библиотекари — и опытная Наталия Владимировна, и недавно начавшая работать Женя — очень внимательны к читателям. Если слушатель заказал какую-нибудь дефицитную книгу, он ее непременно получит.

Правда, некоторое время у нас все-таки были несколько летчиков, равнодушных к чтению. В свободное время они больше увлекались бильярдом или домино. Однажды позвали за «круглый стол» Титова. Тот отказался и упрекнул товарищей, что они тратят напрасно время. Предложил послушать хорошие стихи. И начал читать. Потом спросил, кто автор. Кто-то ответил:

— Пушкин.

— Сам ты Гоголь, — под дружный смех заметил Герман и пояснил — Асеев!

Молодые люди очень интересуются искусством. Может, потому, что научились лучше понимать прекрасное. Любят и помечтать. В искусстве, как нигде, особенно ярко выражается страстная мечта человека.

Одно время космонавты часто ходили на экскурсии в картинные галереи, музеи, по историческим местам, посещали театры. Посетили Музей В. И. Ленина, побывали в «Третьяковке», в Большом театре, в Кремле, ездили в Бородино. Слушали лекции о древнем Риме и Греции, о титанах эпохи Возрождения, об истории русских театров, о полководческом искусстве Петра I, Суворова, Кутузова, о живописи Левитана, Айвазовского, Репина, о вокально-исполнительском мастерстве Шаляпина. Были на современных советских спектаклях, смотрели и слушали чехословацких, кубинских, американских артистов. До этого вроде и времени не хватало, а тут и работы прибавилось, но и на отдых, на развлечения научились выкраивать время.

Где только не побывал за последнее время удобный и всегда исправный автобус «Львов», который ведет отличный шофер Володя. Отправлялись космонавты и в дальние поездки — в Горки Ленинские, на места битв под Москвой в сорок первом году, в Ясную Поляну, ездили туда, где некогда бывали Пушкин, Гоголь, Аксаков, Чехов, Васнецов, Серов; делали выезды за грибами, за ягодами.

Так и хочется сказать: живут наши космонавты настоящей, здоровой земной жизнью! И от большого мира искусств, и от чарующей родной русской природы они получают огромное эстетическое наслаждение, они воспитываются на этом. Космонавты еще крепче полюбили родную землю, которой беспредельно преданы и будут верны до последнего дыхания, родную природу. И как символично: руки, которые держат букет лесных цветов, поведут фантастические корабли к звездам! Да, эти руки преданы Земле и готовы служить ей в самых дальних далях.

Когда пишу об этом, невольно вспоминается посещение космонавтами картинной галереи. Они ходили по залам как зачарованные. Но вот остановились у картины «Журавли». Притихли. Всматриваются. В весенней высокой лазури плывет косяк так хорошо знакомых с детства птиц. На пригорке стоит босоногий мальчуган и смотрит из-под ладони ввысь. Он как бы вслушивается в призывный клич — летящих к родным гнездовьям пернатых путников. Космонавты взволнованны. Они молчат. Каждый, видимо, встретился со своим детством, со своей мальчишеской тоской по высоте. Им всем, простым паренькам из обычных российских деревень и городов, знакомы и эта

журавлиная песнь, и этот чумазый подросток. Только теперь давняя мечта для каждого из них уже стала явью. Они уже не только смотрят в вышину, но часто и сами летят туда, в небо, а в скором времени смогут отправиться еще выше, за голубой шатер эфира. И вдохновенные их лица как бы выражают одну мысль: «Где бы мы ни были, никогда не забудем тебя, обетованная земля отцов!».

Зарядка скоростью

Эта специальная установка называется «бегущей дорожкой». Космонавт становится на ленту, которая начинает двигаться, уплывая все быстрее и быстрее ему под ноги. Чтобы не оказаться выброшенным, человек начинает бежать, соразмеряя свою скорость со скоростью движения дорожки. Ее скорость задается с пульта управления, за которым сидят инженер и врач. На бегущего надеты множество датчиков, которые дают возможность, сидящим у пульта наблюдать и регистрировать состояние физиологических функций бегуна. В зависимости от натренированности космонавта ему задается темп бега.

Вот на дорожку встал Георгий. Бежит он старательно и резво. Тонко жужжит трансмиссия. Шум сильнее. Убыстряется бег. Скорость растет. Четыре… пять… шесть… семь… восемь метров в секунду. Это предел для Георгия. Собственно, не только для него. Почти все его товарищи обладают такими же возможностями. Лишь один Анатолий достиг цифры «девять». Это настоящий спринтер. Правда, «дорожка» рассчитана на скорость до десяти метров в секунду. Но это, видимо, не под силу пока даже бегунам с мировыми именами, так как бег на «дорожке» — это не то же самое, что бег на неподвижной основе.

Когда Георгий сошел с дорожки, кто-то метко заметил:

— Здорово тебя скоростью зарядили!

Да, ребята заряжались скоростью в прямом и в переносном смысле. Бег, спортивные игры, батут, плавание, специальные авиационные полеты, парашютные прыжки, центрифуга, различные специальные установки и, наконец, «бегущая дорожка» — все это и впрямь аккумулировало у будущих космонавтов скорость, сноровку, ловкость.

Зимой занимались лыжами, коньками. Слабовато вначале с этим обстояло дело у южан. Но постепенно и они втянулись в зимний спорт.

Хорошо владеет коньками и особенно лыжами Космонавт Три. Тут он в своей стихии. Подружился он с лыжами на Севере, в лесах, где когда-то работал техником-лесоводом.

«Бывало, так закрутит пурга, — рассказывает он, — белого света не видно. И снег такой, что с головой можно окунуться. А идти на лесосеку надо. Вот и выручал единственный в таком случае транспорт — лыжи».

Наверное, северная стихия и наделила этого тихого, скромного парня недюжинной выносливостью.

Несколько позже в моду вошел бадминтон — этот

своеобразный китайский теннис. С первого взгляда, игра не мудреная, но она, как выяснилось вскоре, может и выматывать, и закалять — все зависит от того, как заниматься ею. Бадминтон увлек всех. Врачи внимательно следили, чтобы игра велась в разумных пределах, чтобы излишне не изматывала людей, а способствовала их закалке.

Испытывалась вестибулярная устойчивость наших космонавтов на качающейся платформе. Человек становится на круглый, качающийся во все стороны стол. Для страховки от случайного падения к поясу испытуемого крепится подвешенный к потолку трос. Сидящие у пульта врач и механик создают всевозможные наклоны стола, и находящийся на нем стремится удержаться.

Экзамен этот не представил для наших летчиков больших трудностей. У космонавтов, как, впрочем, у большинства летчиков, хорошие навыки удерживать равновесие.

Более сложные воздействия были на стенде-роторе, вращающемся в трех плоскостях. Его кабина делает обороты вокруг одной оси, рама, к которой крепится кабина, — вокруг второй, а вся установка — вокруг третьей. С подобной «каруселью», космонавт может встретиться в полете при входе космического корабля в плотные слои атмосферы. Многочисленные приборы, телеэкран этого сложного стенда позволяют врачам и инженерам постоянно контролировать состояние тренируемого и рабочий режим стенда. Для таких испытаний одного хорошего здоровья мало. Надо быть всесторонне тренированным и выносливым человеком.

Космонавты проходят испытания, тренировки и на других динамических стендах и установках.

Например, центрифуга. Это сложное сооружение установлено в просторном зале. В числе экспериментаторов, проводящих работу на центрифуге, — опытные авиационные врачи, волевые и строгие — Григорий Федулович, Павел Васильевич, Ада Радгаповна.

В первый день, когда космонавты, обступив центрифугу, осматривали новую для них установку, охотники на первый «заход» не сразу определились. После некоторой паузы голос подал Иван — скромный паренек:

— Давайте я…

Сказано это было отнюдь не оптимистически.

— Пожалуйста. Прошу, — сказал врач, указывая на кресло. Без промедления бригада медиков, проводящих испытания, стала присоединять электроды: здесь очень тщательно контролируется состояние организма.

Удивительный человек, этот с виду ничем не приметный Ваня. Перед всяким новым делом он будто бы несколько нерешителен, но как только новое, пусть очень трудное дело началось — тотчас же человек преображается. Видимо, сказывается летная привычка: сосредоточить себя всего на деле, когда оказываешься в реальной обстановке полета.

Первую нагрузку Иван выдержал легко. Решили увеличить. Тоже неплохо.

— Еще прибавить? — спрашивает врач.

— Пожалуйста, — без колебания соглашается тот.

Третья нагрузка особенно тяжелая. Не шелохнуться.

Шутка сказать: человек весил семьдесят килограммов, а теперь, при нагрузке, семьсот! А бывает и больше. Кровь тяжелеет. Все тело, кажется, наливается свинцом, и мир будто бы погружается на дно океана.

Кресло останавливается. Но космонавт не покидает сразу сиденья: надо отдохнуть, обождать, пока спадет физическое и нервное напряжение. Врачи тем временем уточняют, как идет процесс успокоения.

А через четверть часа человеку кажется, будто он сбросил с себя гору. Идти, двигаться, дышать так легко, будто центрифуга и впрямь ему прибавила сил. Так чувствуют себя здоровые, с нормальной психикой люди.

Когда Иван сошел с центрифуги, товарищи бросились с расспросами:

— Крепко жмет?

— Больше, чем на выводе из пике?

— Ну, а как дышать? Очень тяжело?

— А как видишь? Темновато?

Тот ответил одним словом:

— Терпимо!

Тренировки продолжались, на центифуге поочередно занимали место другие.

«Дешифрирование» — профессиональный термин летчиков-истребителей. В прямом переводе это слово означает проявление фотопленки, точно зафиксировавшей результаты воздушной стрельбы из фотокинопулемета. Там, на заснятой киноленте, уже ничего не изменишь, не приукрасишь: как поразил цель, так и зафиксирует зоркая оптика.

Особой способностью «дешифрирования» обладает и центрифуга. Только выявляет она не меткость огня истребителя, а физическую и моральную стойкость людей к воздействию ускорений. И тут тоже ничего не утаишь, ничего специально не изменишь, не приукрасишь.

Опытные авиационные врачи Владимир Васильевич, Григорий Федулович, Федор Дмитриевич и многие другие быстро «дешифрировали» тех, кто проходил тренировки на многих установках и стендах.

Вскоре медикам удалось приоткрыть много сильных и не сильных, но в каждом случае весьма индивидуальных особенностей и черт будущих космонавтов. Сделать это позволили многократные испытания и тренировки на тех установках и стендах, которые позволяли в условиях лаборатории или полетов на самолетах иммитировать многие факторы космического полета.

Скоро было установлено, например, что Герман Титов отличается находчивостью, наблюдательностью, очень живо реагирует на меняющуюся обстановку. Его друг Космонавт Три, наоборот, прежде чем ответить или приступить к делу, обстоятельно продумает, взвесит все. Надо сказать, что такие люди обычно редко ошибаются. Георгий — дотошен, щепетилен в работе, настойчив и цепок. Тренируется с увлечением, стремится во что бы то ни стало быть в первой шеренге. Юрий Гагарин сразу показал себя таким, каким его теперь знает весь мир. Бодрый, любящий шутку, находчивый, напористый, очень общительный — таков он в любой обстановке.

Правда, поначалу с врачом Адой Радгаповной у него не установился нужный контакт. Находясь на центрифуге, Юрий в напряженный момент заулыбался и подмигнул… Увидев на экране подмигивающее лицо космонавта, врач предупредила:

— Ведите себя спокойно.

Гагарин погасил улыбку, а когда кончилась тренировка, начал оправдываться:

— Какие строгости… Нельзя и пошутить.

— Во время серьезной работы нельзя, — строго предупредила его врач.

— А если не сдержусь…

— Отстраним от очередной тренировки. Не допустима легкость во время серьезной работы.

— Так я же всегда такой, доктор…

Вскоре все действительно убедились, что этот человек не может быть другим. Сама природа наградила его негаснущей улыбкой и преотличнейшим настроением.

Надо признать, что, несмотря на строгость и требовательность врачей к космонавтам, они их не судили за это и искренне уважали. Они понимали, что врачи прежде всего заботились о них самих, старались, чтобы на тренировках они приобретали необходимые космонавту силу, выдержку,

устойчивость к столь важному фактору космического полета, каким являются перегрузки.

Да, центрифуга выковывает в людях специфическую выносливость, волю, стойкость. Но это в том случае, если не переступать границы разумного. Где же он, тот рубеж, и кто способен его определить? Конечно, врачи. Они строго следят за состоянием тренирующихся. Анализ объективных регистраций физиологических функций позволяет им разумно направлять тренировки в нужное русло: не растрачивать сил тренируемых людей, а умножать их силы.

Некоторые из врачей порою говорят, что их так и подмывает пожалеть ребят. Но нельзя. Им нужна крепкая зарядка. И чем больше сейчас спросится с них, тем легче им будет в полете.

Хорошо это подтвердил полет Гагарина. Пока корабль вырывался из плотных слоев атмосферы, на человека давила неимоверная тяжесть. Участилось сердцебиение, затрудненным стало дыхание. А Юрий докладывал:

— Чувствую себя хорошо!

И мы этому верили. Потому, что так и должно было быть. Ничего непредвиденного. Так всегда было на тренировках. Он хорошо подготовился к полету.

Точно так же вел себя в полете и Герман Титов.

Два «небесных брата», как назвал их Никита Сергеевич Хрущев, подтвердили, что тренировка, которую получили они со всей группой космонавтов, хорошо подготовила их к успешному перенесению всех факторов космического полета. Когда допрашивавшие с пристрастием врачи осведомлялись у Юрия Алексеевича после его полета, как он себя чувствует, он неизменно отвечал:

— Хорошо. Даже отлично.

День чудесных встреч

На космодроме Байконур нас встретил шальной ветерок. Вольно гуляет он в степи — простор. После автобуса воздух кажется чуть ли ни бальзамом. Он словно замешан на приятном молодом настое. Кто-то из ребят заметил:

— Настоящей весной пахнет.

И верно, пахло весной. У нее свое неподражаемое дыхание, ни с чем не сравнимое. Нас, казалось, обласкал благословенный мир запахов, красок, звуков, новых ощущений. Добрая примета: вступили на космодром и встретились с весной.

Весна оказалась увертюрой к этим памятным дням. На каждом шагу мы что-то открывали, встречались с чем-то необычным. Чувствовалось, что мы попали в какое-то необыкновенное, почти сказочное место. Место это называлось одним новым словом — космодром. Космонавты появились на космодроме впервые и, понятно, многое для них было необычным. Но спросите любого из них: что при этом им больше всего запомнилось? И они, пожалуй, не ответят. Трудно здесь что-либо выделить. Поражает все, и прежде всего — масштабы.

В обычной жизни мы привыкаем к сравнительно небольшим строениям и вещам. Но они не идут в сравнение с космодромовскими масштабами. Там все намного внушительнее. На все смотришь с поднятой головой. Огромная, нацеленная в небо ракета, громадные монтажные корпуса, большие и многочисленные, уходящие за горизонт, шоссейные дороги… Космодром Байконур — это очень большое «хозяйство». Кажется, ему нет конца и края…

С первых же минут чувствуешь и понимаешь, что находишься во власти не только масштабных вещей, но и масштабных дел. Никто не говорит об этом — здесь не приняты громкие, восторженные слова, но сам проникаешься величественностью совершаемых дел и как бы настраиваешься на большую «волну». Тут зарождаются и происходят не рядовые, будничные события. Отзвук от них прокатывается по всему миру.

Один из наших друзей-ученых образно назвал космодром всесоюзным трамплином в космос.

Космодром — это позиция. Я бы сказал, что это позиция особого рода. Здесь особая обстановка. Не занятых делом людей не видно, все они находятся на своих местах. Никто не бегает, не кричит, не суетится. Жизнь космодрома всегда, даже в самые критические часы и минуты — перед пуском — протекает размеренно, четко, спокойно, с подчеркнутой пунктуальностью и

деловитостью. Порядок повсюду идеальный, как говорится, все отработано до мелочей. Люди действуют слаженно и верно, все это напоминает то, как работает отличный часовой механизм.

Космонавты смотрели на все восторженными глазами и часто приговаривали: «Вот это да!» Я хорошо их понимал, так как и сам переживал то же самое. Особенное, конечно, впечатление на всех произвела ракета-носитель вместе с космическим кораблем. Космонавты впервые видели все собранным в один агрегат. Слово «агрегат», пожалуй, не очень подходит — сухое слово. Лучше сказать — звездолет. Помню, Космонавт Три, так его и назвал. Звездолет стоял наготове и, казалось, дышал, излучая дивный, таинственный свет.

— Нас ждет, — с улыбкой проговорил парторг, космонавт Романыч. — Надоело ракете возить на орбиту собачек. Считает, что пришел наш черед.

— В самом деле, почему до сих пор нас не пускают? Ведь на совесть все отработано, — спрашивает Валерий.

И все же и на этот раз с целью очередных уточнений и проверок ученые и конструкторы посылают в полет не появившихся на космодроме и рвущихся в полет космонавтов, а очередную собачку. Ей поручено разведать предстоящий маршрут для космонавта. Разумная осторожность конструкторов и ученых была для космонавтов понятна, но все же заветным желанием каждого было также сесть в кабину корабля и взлететь в загадочный космос. Надо сказать, что к этому времени уже любой из наших космонавтов вполне был готов лететь. Все знали, что полет не за горами — до него оставались считанные дни. Космонавты как бы присутствовали на генеральной репетиции. Каждый из них мысленно не раз обживал корабль. Одного только пока никто не знал: кто же все-таки будет выбран из всей группы и полетит первым. И Юрий Гагарин не знал. Он наравне со всеми страстно мечтал о первом полете.

На космодроме мы встретили своих старых знакомых — медиков-ученых. Многие из них, в отличие от нас, новичков, давно уже были здесь своими людьми. Они уже в который раз отправляли в полет свою очередную воспитанницу — собаку. Сколько уже собак — этих верных, давних четвероногих друзей человека совершило космическое путешествие! Никто еще из живых существ не забирался так высоко, как эти дворняжки, чьи клички стали известны миру: Альбина, Белянка, Пестрая, Лайка, Стрелка, Белка, Чернушка… Они были подлинными разведчиками космоса. Каждая из них испытала воздействие всех особенностей космического путешествия. Собаки все выдержали — и перегрузки, и невесомость, и вибрацию, и гул двигателей.

Они же подтвердили надежность работы систем жизнеобеспечения и спасения.

В экспериментальные полеты четвероногие испытатели отправлялись из специальных лабораторий, где их долго и очень тщательно готовили к этому. Те собаки, которые возвращались на Землю, конечно, не могли рассказать того, что «пережили» и «видели» в полете. За них это делали приборы, камера киноаппарата или телевизионная камера, которые регистрировали все подробности поведения собак в кабине — от взлета до посадки корабля. Путешествие животных помогло ученым ответить положительно на основной вопрос: может ли живое существо летать и жить в космосе? Ответ: «Да, может» — был обнадеживающим. Сразу же понадобилось выяснить: может ли живой организм после полета, возвратись обратно, благополучно продолжать жить на земле? И на этот вопрос последовал положительный ответ. Нужно прямо сказать: без полетов животных человек не смог бы столь быстро и успешно осуществить многое из того, что теперь уже позади. Четвероногие испытатели помогли человеку проложить дорогу во Вселенную.

— Видели нашу путешественницу? — спросил космонавтов Владимир Иванович, известный специалист космической медицины. — Прошу познакомиться.

Космонавтам показали симпатичную дворняжку с дымчатой шерстью. Ко всем, кто ее — брал на руки, она доверчиво ласкалась, виляя хвостом. Маленькая, веселая собачка. Как-то не верилось, что через каких-нибудь два-три часа она отправится в далекое космическое путешествие.

— Как ее зовут? — поинтересовался кто-то из ребят.

— Дымка или Тучка, — ответил лаборант.

— Ну, что за кличка?! Совсем не подходящая для такой героини.

— Придумайте лучше — предложил Владимир Иванович.

Космонавты предложили несколько более громких кличек, но все они ими же и были отвергнуты — не подходили к веселой путешественнице.

— Давайте назовем ее Звездочкой, — предложил Гагарин.

Название всем понравилось. Так и окрестили собачку — Звездочка. С этим именем она отправилась в полет и, надо сказать, очень добросовестно и надежно разведала маршрут, который вскоре был предложен для полета Гагарина.

Космонавты впервые смотрели старт звездолета. Должен заметить, что словами об этом трудно рассказать. Надо видеть! Зрелище, которого нельзя забыть. Особенно величествен тот момент, когда огромнейшая ракета, окутанная дымом и

пламенем, начинает медленно подниматься, отрываясь от земли. Скорость нарастает с каждой долей секунды, и звездолет стремительно уносится в небо. Вот он превратился в чуть заметную точку и очень скоро вовсе исчез из виду.

Можно сказать твердо: именно тогда, при запуске корабля, на борту которого находилась Звездочка, у наших космонавтов была закреплена окончательная уверенность в надежности отечественной космической техники, в безопасности предстоящих полетов. Тогда они и разумом, и душой уверились в том, что созданные гением советских людей ракета и космический корабль надежно вынесут их на орбиту в космос и вернут обратно на родную землю.

Это был поистине день замечательных открытий и чудесных встреч.

Группа начинается с песни

В начале зимы, когда неожиданно наступила оттепель, космонавты приехали на завод. Здесь им предстояло изучить более обстоятельно корабль.

Главный конструктор, обычно словоохотливый и добродушный, на занятиях оказался строгим и взыскательным педагогом. Он не терпел лишних разговоров и речь вел только по существу. Главный конструктор сказал, что космонавтам предстоит сделать еще очень много, чтобы успешно выполнить первый полет в космос, и тут же добавил:

— Но я вижу, вы народ серьезный, вдумчивый и способный на большие дела.

После занятий, когда все вышли на улицу, ученый развеселился:

— Вы на меня, молодежь, не обижайтесь. Люблю порядок на занятиях. А так и сам не против веселья. Люблю шутку, люблю песни…

— А вы приходите к нам на вечер, — подхватил, не дослушав Главного, парторг космонавт Павел Романович — большой любитель песен. — В клубе в субботу будет вечер. Вот и споем.

— Приду, если только ничто не помешает, — пообещал ученый, — но я не петь, а слушать песни люблю. — И, пожав всем руки, распрощался.

Хотя Главный конструктор к нам и не приехал тогда, но песни в тот вечер долго звучали в уютном клубе. Космонавты пели любимые вещи: «Подмосковные вечера», «Я люблю тебя, жизнь», «Соловьи», «Родина слышит…», «Прощайте, скалистые горы», «Тишину», ну и, конечно же, старинные, русские, те, что певали отцы и деды: о Ермаке и беглеце с Сахалина, «Варяге» и ямщике, о привольном русском раздолье и широкой русской душе.

Потом я играл на рояле. Меня сменил кто-то из летчиков. Читали стихи. Танцевали. Беседовали. Опять пели.

Вспомнили, как самодеятельно выступил однажды Юрий. Было это в командировке. В комнате, где стоял магнитофон, проигрывали новые записи. Уединившись., Гагарин прослушивал полюбившиеся ему мелодии. Вдруг все услыхали приятное пение самого Юрия. Мы приоткрыли дверь. Гагарин стоял молча у магнитофона, а голос его звучал. Мы не сразу поняли, что Юрий прослушивает собственное пение, записанное им накануне. Кто-то бросил комплимент:

— Здорово получается!

— Может, и не очень здорово, но от души, — сказал Гагарин и предложил товарищам записать и свои голоса. Те охотно согласились.

Когда расходились с вечера, Космонавт Три заметил:

— Рота начинается с песни.

Его поправили:

— Не рота, а группа космонавтов.

Метко сказано! Строй, марш, всякое доброе дело действительно начинается с песни. Она и у нас поступила на вооружение. Ее полюбили и летчики, и их семьи.

Как-то наши жены приготовили замечательный самодеятельный концерт. Пел хор, пели солистки, исполнялись на рояле Чайковский, Шопен, Лист. Мы были приятно удивлены таким сюрпризом.

Надо сказать, что музыка вообще твердо вошла в жизнь космонавтов. В командировку, например, непременно брался с собой магнитофон. Перед поездкой Николай Федорович предлагал каждому записать любимые мелодии, а в дороге и на месте устраивались настоящие концерты. Круг музыкальных запросов космонавтов расширялся. Юрий обожает лирику. Герман — поклонник Чайковского и Глинки. Парторг Павел Романович большой любитель и популяризатор украинских песен. Космонавту Три по душе волжские напевы. Все любят русские народные песни.

Читатель может спросить: не слишком ли много уделяю внимания песне? Думается, нет. Песня, действительно, стала нашей непременной спутницей. Добрая песня — доброе настроение человека. А без хорошего настроя души во всяком деле трудно, тем более в далеком пути. Далеким, или лучше сказать нелегким, путем представляется нам вся подготовка космонавтов.

Да, каждому из них предстоял большой и трудный путь.

Приступили к напряженной работе. Крепко уставали. Возвращались домой, как правило, поздно. На утро снова занятия, тренировки. Дело, которому себя посвятили эти люди, требовало абсолютной отдачи энергии, быстрого накопления знаний, приобретения надежных специальных навыков. И все они делали с хорошим настроением, с горячей верой в достижение цели. Очень помогала этому песня.

И еще одна причина побудила меня столь длительно задержаться не на космических, а именно на земных, житейских делах. На Западе буржуазные литераторы рисуют людей, посвятивших себя освоению молодой профессии космонавта, некими фанатиками, отшельниками, существами, лишенными

больших человеческих чувств. На пресс-конференции в Лондоне майор Гагарин дал отпор писателям-фантастам, которые изображают будущих космонавтов этакими «суперменами», потерявшими связь с землей и всем земным.

Нет, советские космонавты не такие. Прежде всего они простые люди, страстно любящие свою страну и жизнь. Они идут на штурм Вселенной не со слепым фанатизмом, а с великими, благородными идеалами. Они живут большой духовной жизнью. Это делает их сильными, готовыми на самый высокий подвиг.

Когда мир молчит

Спокойно отдохнуть, «отключиться» от утомительного шума, дать успокоиться нервам… Для этого необходима тишина. Но есть тишина, которая гнетет. В земных условиях с такой тишиной, когда слух не тревожит ни малейший звук, когда человек оказывается изолированным от всего того, что постоянно окружало и касалось его, мы почти не встречаемся. Лишь в специально созданных камерах — «башнях тишины» может быть имитирована такая абсолютная тишина, С настоящим безмолвием можно встретиться лишь в космическом пространстве.

Космическая тишина вовсе не похожа на ту земную, которая обычно успокаивает нас. От космического безмолвия у человека не спадает, а нарастает нервное напряжение. Нужны выносливые люди, способные переносить продолжительное пребывание в «онемевшем» мире. И требуются специальные меры, чтобы оградить этих людей от такой тишины.

В сурдокамерах (в башнях тишины) создается возможность произвести проверку индивидуальной переносимости человеком того, как отражается на нем отключение привычных ему так называемых внешних раздражителей.

Каким же в этих условиях окажется его самочувствие?

Передо Мной статья из журнала «Флаинг ревью» за август минувшего года: «Будет ли одиночество служить препятствием при выполнении космических полетов». В ней говорится:

«Два года назад американский летчик первого класса Дональд Д. Ферель „совершил полет на Луну“. Он провел семь дней в герметической кабине. Когда он вышел из кабины, у него был вид усталого, враждебно настроенного к окружающим человека. Трудно представить, что пришлось перенести Ферелю за время его одиночного пребывания в камере.

Испытания, недавно проведенные в лаборатории ВВС США по космическим полетам, дают возможность судить о страданиях, перенесенных Дональдом Ферелем. Несколько человек совершили „космический полет“ продолжительностью 36 часов.

Они были помещены каждый отдельно в „космические камеры“, герметически закрывающиеся. Человек находится в полном одиночестве, не имея никакого контакта с внешней, окружающей его средой. Камера находилась в состоянии покоя, и в нее не проникали никакие посторонние звуки.

Находившиеся в камере люди могли слышать музыку, читать. Однако лишь некоторые из них проявили интерес к чтению.

Через каждые девять минут человек, совершающий

„космический полет“, передавал по радио показания температуры тела, воздуха в камере, влажности и давления воздуха. После передачи все оставшееся время он следил за экраном телевизора, на котором появлялись схематичные изображения, подобные тональным сигналам (черно-белое изображение), как на обычном телевизоре. Время от времени техник, наблюдавший за испытанием, нарушал изображение на экране со внешнего пульта управления. Человек в камере должен был исправить изображение, пользуясь своим пультом управления.

Несмотря на то что эти испытания, казалось бы, совершенно безвредны для организма человека, ученые, наблюдавшие за ходом испытаний, постоянно должны были связываться по радио с „космическим путешественником“, чтобы узнать о его самочувствии. И в большинстве случаев испытания прерывались по требованию человека, находившегося в камере».

Далее следует рассказ о том, как оставшихся в одиночестве и тишине охватывают галлюцинации. Один из числа очень подготовленных летчиков почувствовал головокружение, хотя камера не сдвинулась с места. Другому, менее опытному, привиделось среди приборов пульта управления странное изображение неведомых лиц. Когда «полет» подходил к финалу, одного пилота охватил панический ужас: на его глазах приборная доска начала «таять и капать на пол». Еще один жаловался на боль в глазах из-за расплывчатого изображения на экране телевизора, хотя экран был совершенно чист. Напрасно техник, наблюдавший за экраном через смотровую щель, пытался убедить пилота, что ничего не произошло, — тот потребовал немедленного «освобождения». А когда вышел из камеры, то сразу же обратился к врачу-окулисту. Выяснилось, что глаза в полном порядке. Уже будучи на «свободе», пилот сообщил еще одну «новость»: там, в камере, ему почудилось, что над ним смыкаются стены.

Одного из проходивших испытание экран довел до того, что через 22 часа он потребовал выключить телевизор, так как от него якобы исходил невыносимый жар. И как экспериментатор-врач не успокаивал, пилот добился, чтобы телевизор выключили. Когда это было сделано, человек почувствовал себя лучше. Не выдавал он беспокойства и после нового включения телевизора. А через три часа все повторилось. Теперь летчик уже «отыскал» и причину жары — он пытался показать «черное, прогоревшее место» на экране, чтобы его не посчитали сумасшедшим. Тут же, как и его коллеги, потребовал освобождения, так как дальше не мог терпеть такого мучения.

В заключение статья пишет: «Семь человек, специально

отобранные для полета на космическом корабле „Меркурий“, доказали, что они смогут хорошо перенести пребывание в корабле в случае полета в космос. Однако все эти опыты только частично разрешают проблему космического одиночества.

Ни одному из вышеупомянутых летчиков „космического корабля“ не угрожала опасность. Их не беспокоили проблемы невесомости, а также то, работает ли двигатель ракеты или ракета падает в слоях атмосферы, подобно метеориту. Они знали, что в нескольких шагах за пределами кабины находятся, зорко следя за ними, их друзья. Однако даже опытные летчики сталкивались с явлениями галлюцинации».

И вывод:

«Когда первый американский самолет совершит полет в космос, работников медицины скорее всего будет интересовать физиологическое состояние человека, а не другие данные. Ни один ученый не может предсказать, как будет реагировать физиология человека на окружающее его космическое пространство».

Что можем сказать мы по поводу этого, столь категорического утверждения американского автора об ученых? Неверно всех людей науки объявлять беспомощными в решении так называемых медико-биологических проблем космических полетов. Не знаю, как американские врачи, работающие в области авиационной и космической медицины, но наши медики сказали на сей счет уже не одно веское слово, и наши «прогнозы», как подтвердили полеты Юрия Гагарина и Германа Титова, в основном оправдываются.

Поскольку перспектива космических полетов немыслима без продолжительного пребывания человека в космосе, не лишним будет более подробно остановиться на этом вопросе, исходя из опыта советских исследователей.

Длительная изоляция человека от внешнего мира действительно переносится нелегко. Немало выдержки требуется от того, кто, оказавшись в условиях тишины и одиночества, успешно справляется с этим экзаменом. И все-таки более всего важно при этом, чтобы человек твердо верил светлую цель выполняемого им дела. Тогда он не будет чувствовать себя духовно одиноким. Каждое испытание морально экзаменует и совершенствует будущих космонавтов, но, пожалуй, испытание в сурдокамере, — как ничто другое. Оно позволяет точно определить нервно-психологическую прочность человека, уровень его духовного потенциала.

Под сенью неба — благостный мир звуков, красок, ароматов.

Малахитовым пламенем полыхают под солнцем ели и сосны. Будто искры костра, сдувает ветер оранжево-лимонную листву берез и кленов. В овраге журчит ручей. Не умолкая щебечут птицы. Пахнет мятой и полынью. Хорошо дышится молодым, утренним настоем воздуха.

В это же самое время иным ощущает окружающий мир человек, находящийся в сурдокамере. Небольшая комната. Толстыми, звуконепроницаемыми стенами она отделена от внешнего мира. Сюда не проникает дневной свет, не доносится ни малейшего звука. Стол, кресло, телевизионная установка, пульт управления космическим кораблем, запас воды и пищи. Вот чем загружена «комната тишины».

Здесь производятся специальные испытания будущих космонавтов. Суть испытаний сводится к проверке переносимости каждым продолжительного действия тишины и одиночества и выполнению в этих условиях режима и большого комплекса заданий.

Памятно первое «боевое крещение». На открытие «космических путешествий» в сурдокамере пришла вся группа. Когда спросили, кто желает первым отправиться «в полет», ответа сразу не последовало. Хотя летчики наши и не из робкого десятка, однако здесь каждый ясно представлял себе трудности этого испытания. Надо было собраться с духом. Наконец, после некоторой паузы, вызвался доброволец. Им был Валерий.

— Разрешите мне? — решительно попросил капитан.

«Полет» был назначен на завтра. Ничего, конечно, опасного произойти не могло. Не за тридевять земель «улетал» Валерий, и зоркие экспериментаторы постоянно были рядом с ним. Однако все мы немножко волновались. Как поведет себя первый? От этого в немалой степени зависело поведение остальных.

Очень приятно было видеть «отлетающего» Валерия утром, когда он явился для «полета» совершенно спокойным и даже веселым. Пришел он с небольшим чемоданчиком и, улыбаясь, спросил:

— Можно с грузом? Ведь я на работу пришел.

Капитан оказался предусмотрительным. Он не хотел отрываться от привычных ему земных дел — не может не мастерить что-либо в свободную минуту. В чемоданчике были аккуратно уложены книги, некоторые инструменты, кусочки различных материалов, картон, бумага, карандаши.

Хотя космонавту предстояло шагнуть за обычный комнатный порог и за ним должна была закрыться обыкновенная, хотя и более толстая и тяжелая, чем обычно, дверь, провожали Валерия так, будто и правда он пускался в далекую, незнакомую дорогу.

В течение всего испытания за космонавтом при помощи новейших регистраторов велось постоянное наблюдение. Врачам открылся весь внутренний мир индивидуальных физиологических и психологических особенностей этого человека.

На первых порах Валерий вел себя не совсем обычно. Торопился, хотя спешить ему было некуда. Закончив с одним делом, он вставал, задумывался, как бы припоминая, что ему делать дальше. Брался за телеграфный ключ и, торопясь, выстукивал: «Температура воздуха… Давление… Влажность…» и другие данные, относившиеся к нему самому и к состоянию «жилья».

Первоначальная, несколько повышенная возбудимость сравнительно скоро улеглась. Космонавт освоился с обстановкой, и все, заданное по программе, стал делать спокойно, четко, уверенно. Режим выполнял точно. Внимательно следил за приборами, вовремя производил доклады по радио. Обнаружив, что испортилось одно из приспособлений, он принялся за починку и исправил его. Пригодились прихваченные «орудия труда». Во время отдыха от работы занимался любимым делом: мастерил, клеил, писал, чертил, рисовал.

В течение суток в камере по нескольку раз менялось давление, неожиданно для космонавта в камеру врывались то яркие световые вспышки, то резкие звуки. Валерий реагировал на все спокойно. Он разумно и своевременно принимал необходимые меры. Отличным у него был сон. Спал спокойно и глубоко, просыпался в точно в нужное время, быстро включался в заданную программой работу. Хотя в камере были только обычные часы и не было специального будильника, по тому, как четко соблюдал Валерий распорядок дня, экспериментаторы могли проверять свои часы.

Он выдержал экзамен блестяще. Закончил «космическое путешествие» бодрым, жизнерадостным. Начало положено хорошее.

Наступил черед других. В числе первых «в полет» отправился Юрий Гагарин, тогда еще старший лейтенант. Этот повел себя с первых минут уравновешенно, я бы сказал, весело. Природный оптимизм и добродушный юмор как нельзя лучше сказывались на его настроении. Даже «в заточении» он не расставался с веселой, остроумной шуткой. Читателю это может показаться странным, но Юрий, если это нужно, умеет шутить с самим собой. Наблюдавшие за ним дежурные не раз слыхали, как он, читая какую-нибудь веселую книгу, по ходу чтения задавал герою или автору книги заковыристые вопросы и тут же, смеясь, сам отвечал на них.

Гагарину «в полете» был задан «перевернутый» распорядок: днем он должен был спать, а ночью нести вахту. Быстро перестроиться не всякому удается. Однако Юрий по существу сразу вошел в новую колею. Испытание позволило установить у. Гагарина очень важную для космонавта черту: он без труда входил в новый рабочий ритм и так же легко от него отключался. Надо работать — он отдается делу всем своим существом. Наступает отдых — Юрий ложится, быстро засыпает, спит глубоко, спокойно, без сновидений. Просыпается в точно назначенное время и сразу без промедлений приступает к делу. Это очень ценные качества. Значит, человек абсолютно здоров, значит, его организм может хорошо приспосабливаться к новым условиям. Такой человек может разумно управлять своим умственным и физическим напряжением, сумеет хорошо беречь силы.

В сурдокамере Юрий перечитал любимые произведения Пушкина, Горького, Жюля Верна. Познакомился с Ремарком.

Памятные встречи

Обычно в нашем профилактории царит тишина. Космонавты поселяются сюда лишь перед испытаниями, требующими особо строгого режима. В другое время они здесь только питаются да в свободную минуту забегут просмотреть свежие газеты, журналы, поиграть в бильярд, посмотреть телепередачу. Случается, что в профилактории появляются и наши гости: ученые, конструкторы, инженеры, врачи.

Я уже рассказывал о приездах товарищей из ВВС и ученых-медиков, о визитах Главного конструктора, его коллег и помощников.

Побывали у нас и руководители ЦК ВЛКСМ, в том числе и первый секретарь ЦК ВЛКСМ тов. С. П. Павлов. Человек большого обаяния, прекрасный оратор и рассказчик, Сергей Павлович Павлов не раз выступал перед космонавтами и нашими сотрудниками. У него прямо-таки художественное умение передавать то, что он видел, то, в чем он убежден. С большим удовольствием слушали его наши товарищи. Встреча с вожаками комсомолии — всегда праздник для нашей молодежи. Центральный Комитет ВЛКСМ взял шефство над космонавтами. Что ни говори, а космос-то штурмовать молодым.

Запомнился космонавтам приезд министра обороны Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Было это вскоре после исторического полета Ю. Гагарина.

Из Генерального штаба нас предупредили: министр прибудет вечером. За короткое время предстояло многое сделать.

К нам приехали Главнокомандующий ВВС Главный маршал авиации К. А. Вершинин, его заместитель Маршал авиации С. И. Руденко, член Военного совета ВВС Н. П. Каманин и другие. Главнокомандующий встретил министра докладом и представил собравшихся.

Это была не официальная встреча. Главком, упомянув об успехе первого космического полета, повел речь о «нерешенных вопросах». И это примечательно. Главный маршал авиации говорил о предстоящем.

Выступил генерал-полковник авиации А. Г. Рытов. Выступали и другие — врачи, инженеры. Все били в одну точку: что предстоит сделать для того, чтобы успешно осуществить намеченный на ближайшие месяцы очередной и еще более сложный полет человека в космос. Выступил Юрий Гагарин.

Герман Титов в этот вечер почему-то был более обычного задумчив и молчалив. То ли он все еще старался осмыслить

сделанное своим предшественником, то ли загадывал, каким же будет его полет и скоро ли наступит тот долгожданный миг, когда взревут двигатели и можно будет сказать: «Началось!» Видимо, эти мысли и чувства одолевали Космонавта Два.

С того вечера мы не разговорили с Германом о том, что облегчить ожидания полета можно только большой работой. И всякий раз Герман, улыбнувшись, говорил мне:

— Готовлюсь, готовлюсь, Евгений Анатольевич! Но ждать все-таки не так просто… Поймите же. Душа-то живая…

Да, мы хорошо понимали все. Заботясь о «душе живой», многократно проверялось и отрабатывалось все то, что касалось предстоящего события.

Министр обороны внимательно слушал. Мы не знали, одобрялись ли министром наши суждения. Все выяснилось, когда Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский обвел собравшихся чуть улыбчивым взглядом и заговорил:

— Прямо скажу, сегодняшний разговор понравился мне. Прежде всего тем, что он деловой. Конечно, мы от души радуемся нашей всемирно-исторической победе в космосе. И тут, думаю, сам победитель, которому мы воздаем должное, — министр повернулся к Гагарину, — не пожалуется на недостаток добрых слов. Но нельзя забывать, ради чего, ради каких целей наш советский народ, наше правительство занимаются и будут впредь еще более развивать это нелегкое и, прямо скажем, экономически дорогое дело.

Министр говорил, что это делается не ради славы и сенсации. И не потому, что на земле нам стало тесно или тяжело дышится.

— Нет, советским людям на своей советской земле привольно. Но человек не может вечно оставаться прикованным к своей колыбели — Земле. Он должен взглянуть: что же там дальше, выше? Он должен это «дальше и выше» поставить на службу опять-таки человеку. Он обязан управлять многими явлениями природы, чтобы сделать жизнь прекрасной, а людей по-настоящему счастливыми.

Маршал посмотрел в окно, за которым уже сгущались сумерки.

— А то, что на ниве науки первую борозду нередко доверяют прокладывать военным, — подчеркнул министр, — не должно никого смущать. Правда, в стане наших недругов часто слышатся вопли: «Русские военизируют космос. Какая это наука?» Что сказать этим господам? Да, мы самоотверженно штурмуем космос. Делают это все советские люди: и гражданские, и военные. У нас никого не удивляет то, что научные мирные, невоенные дела партия и народ поручает военным людям. На то

есть основания: люди эти по своим моральным и деловым качествам достойны столь высокого доверия. Этим доверием надо дорожить, его оправдывать.

Министр обороны вспомнил некоторые примеры из истории, когда воины России прославились не только в сражениях с врагом, но и при штурмах крепостей науки.

Макаров, Лазарев, Пржевальский, Беринг, Лаптевы — имена военных людей, с которыми связаны большие открытия, кругосветные путешествия, неимоверно трудные экспедиции.

— На очень нужное и благородное дело посылает страна и вас, дорогие товарищи, — обратился министр к космонавтам.

Они сидели присмиревшие и, как мне казалось, ждали подходящего момента для более откровенного разговора с министром.

Я не ошибся. Когда после ужина все поднялись наверх, в зрительный зал, космонавты тесным кольцом окружили маршала. Он предложил им посидеть в соседней уютной комнате отдыха.

Космонавты остались очень довольны этой беседой. Им удалось доложить министру все, о чем думали и чем жили в напряженные дни подготовки ко второму полету. Разговор касался и тренировочной аппаратуры, и программы обучения, и спортивных сооружений, и быта, и многого другого.

Кончился тот памятный весенний вечер тем, что все, собравшись в зрительном зале, по предложению космонавта парторга Павла Романовича, спели несколько наиболее популярных песен.

Мне пришлось сесть за пианино. В раскрытые окна разнеслись знакомые мелодии, в которых слились воедино голоса и увенчанных сединами военачальников, и молодых космонавтов, и врачей, инженеров, методистов, которые готовят их к самой молодой, но уже популярной и многообещающей профессии.

Фантастика и быль

Юрий Гагарин и Герман Титов задолго до своих полетов «побывали» в космических просторах. Да не только они — «побывали» там все наши космонавты. Они заглянули в безвоздушные пространства, достигли Луны, Марса, Венеры… Читатель, конечно, понимает: речь идет о воображаемых путешествиях — по страницам научно-фантастических романов и повестей.

Да, именно с фантастики они начали свое знакомство с таинственным миром. Вместе с героями книг они отправлялись в дальнюю и трудную дорогу. Многие писатели-фантасты умело и ярко ее осветили — следуй только по ней с открытой душой. Большинство героев этих книг — сильные, волевые люди, решительно преодолевающие всевозможные преграды. И цель у них благородная, большая.

О космических путешествиях написано очень много. Будущие космонавты прочли все книги, какие попали им в руки. Многие пришлись по душе. Многие, но не все. Познакомившись с некоторыми американскими романами, они только и могли сказать: «Сущая авантюра». В этих чаще всего пухлых книгах на все лады расписывается, как путешественникам неуютно в полете, как, достигнув Луны, они в долгом по времени полете, окончательно невзлюбили друг друга, перегрызлись и начали охотиться друг за другом. Заканчиваются эти «одиссеи», как правило, драмой: выстрелами и убийствами.

Но большинство научно-фантастических произведений несет в себе здоровый «загад», пробуждает хорошие мысли. Теперь, когда наши «небесные братья» Юрий Гагарин и Герман Титов увидели с космических высот земной шар, можно сказать, в чем были правы и неправы фантасты.

Писатели-фантасты в основном верно описывали, как летчики-космонавты будут преодолевать земную тяжесть, как будут приспосабливаться к состоянию невесомости, как будут вести себя, работать, есть, пить в герметически замкнутом корабле. А Беляев в романе «Звезда Кэц» утверждает, что чувство невесомости для человека очень приятно. Так ли это на самом деле? Судя по тому, что сообщал после полета Герман Титов, приятное ощущение не очень продолжительно. Бывает оно только в первое время, а затем на смену ему приходит другое: начинает кружиться голова, становится не по себе. Это состояние в течение сравнительно продолжительного времени испытал пока только один космонавт. Еще никто не пробыл в удивительном мире

настолько долго, чтобы можно было уверенно ответить, как действует на человека длительная невесомость. Да и вряд ли по одному-двум лицам — испытателям — можно делать серьезные научные выводы. Для этого нужна, как говорят ученые, статистика. Но можно пока сказать одно: невесомость, видимо, не окажется слишком вредной для человека. Если потребуется, в условиях невесомости некоторое время можно жить и работать.

Писатели-фантасты верно говорят о том, что без тщательной подготовки человека невозможен ни один его космический рейс. Они подчеркивают: тщательная подготовка членов экипажа решает успех полета. Научные фантасты даже определили круг вопросов, подлежащих проработке в процессе подготовки: изучить корабль, усвоить особенности обстановки в рейсе, закалить себя физически.

Понятно, что подготовка космонавтов гораздо шире и объемнее. Будущие командиры звездных кораблей должны изучить и астрономию, и геофизику, и высшую математику, и физиологию, и многое-многое другое, о чем не упоминают писатели-фантасты. Сегодня, зная уже немало о космосе, мы должны быть к ним снисходительны: они не могли всего предвидеть. Жизнь идет вперед. Движется, точнее, делает большие скачки, техника. Развиваются смежные с техникой науки. Даже самую пылкую и смелую фантастику обгоняет время. Писатели-фантасты не предполагали, что космонавтам придется серьезно заниматься парашютной, летной подготовкой, проводить медико-биологические испытания и тренировки, заниматься многими другими вопросами.

Дан приказ

В интересной и правдивой книге Юрия Гагарина «Дорога в космос» есть несколько страничек, которые мне хотелось бы уточнить и дополнить. Я хочу коснуться тех строк, где речь идет обо мне. По доброте сердечной Юрий Алексеевич написал о том, что я «знал о каждом больше, чем знали о себе мы сами» и что среди них для меня якобы не «оставалось неразрезанных книг». С первого дня подготовки космонавтов мы работаем и живем рядом. Это позволяет мне достаточно близко и внимательно рассмотреть индивидуальные особенности и задатки каждого из них, понять, какой у каждого характер. Но, честно сказать, и Гагарина и Титова, как и большую часть их товарищей, я по-настоящему близко узнал, а кое-кого из них просто «открыл» только на старте — 12 апреля 1961 года, в день первого полета в космос корабля-спутника «Восток-1» с человеком на борту. На старте космонавты как бы заново встали передо мной в полный рост.

Мне хочется кое-что рассказать о поведении Юрия Гагарина накануне первого звездного полета. Надо заметить, что теперь рассказать что-то новое уж не так-то просто. Многое описано.

В те памятные дни мне довелось постоянно наблюдать за небольшой группой космонавтов. Мы вместе ездили в автобусе, вместе ходили, за одним столом обедали, завтракали, ужинали, вместе отправлялись к стартовой площадке. И только тогда, в те дни Юрий Гагарин действительно стал для меня окончательно понятным, познанным человеком.

Государственная комиссия выполнение первого космического рейса доверила Юрию Гагарину. Ему предстояло осуществить историческую миссию. Почему же все-таки на него пал выбор? Вопрос законный. Известно, что рядом были и другие космонавты. Они тоже были хорошо подготовлены и могли успешно выполнить задание — проложить первую космическую борозду. Гагарин «обременен» семьей — у него малые дети… Казалось, в таком случае разумнее было послать в первый полет холостого: мало ли что может случиться… Послали, однако, его — Гагарина. Может быть, он и есть лучший из лучших, незаменимый избранник? Проще всего сказать: «да», но так сказать было бы несправедливо. Мы упомянули, что и другие могли… Для первого полета требовался космонавт, в котором бы сочеталось как можно больше положительных качеств. Точнее, нужен был человек с качествами первооткрывателя, человек-пример, на которого впоследствии стали бы равняться все другие,

подражая ему. Именно таким человеком и представлялся Государственной комиссии Юрий Гагарин. Он очень подходил для первого полета.

Говоря конкретнее, были приняты во внимание следующие неоспоримые гагаринские достоинства: беззаветный патриотизм, непреклонная вера в успех полета, отличное здоровье, неистощимый оптимизм, гибкость ума и любознательность, смелость и решительность, аккуратность, трудолюбие, выдержка, простота, скромность, большая человеческая теплота и внимательность к окружающим его людям.

Уверенность в успехе предстоящего полета и в избраннике, которому поручалось его выполнение, все-таки перемежалась с некоторым беспокойством. Все может быть в столь неизведанном деле. Однако Гагарин не из тех, кто в трудный момент утратит самообладание.

У него зоркий глаз, природное любопытство — значит, он заметит все и даже мелочь, которую другие могут и пропустить.

Все эти надежды оправдались. Тому, кто впервые встречается с Гагариным, может порой показаться, что он несколько легкий, бесшабашный человек, пробавляющийся шутками-прибаутками. Однако, узнав Юрия побольше, вы убеждаетесь, что это природный юмор, за которым у него стоят собранность, твердый характер, сильная воля. Для нас не явился удивительным четкий спокойный гагаринский рапорт Главе правительства при встрече на Внуковском аэродроме.

Кто-то из писателей, помнится, сказал, что человек — это целый мир. Пожалуй, теперь к этому интересному высказыванию стоит добавить: человек — это целый мир, включая и космос. Беспредельны возможности человека! Мы живем в такое замечательное время, когда даже молодой, малоопытный, не закаленный в труде и боях человек имеет возможность подойти к высокому рубежу. Поражает, с какой многогранностью проявляются способности, натура таких людей, какую огромную показывают они силу духа, красоту души!

Таким оказался и Юрий. Много хорошего, нового в те дни я увидел в его характере.

Итак, Государственная комиссия устами председателя вынесла решение — первым полетит в космос Гагарин. Дублером его был назначен Герман Титов. Мне довелось быть свидетелем незабываемой сцены, когда избраннику объявили это решение. Десятки глаз были устремлены на него. Он будто вначале не поверил: неужели в самом деле ему оказана такая честь, такое доверие? Но уже через секунду его лицо озарила счастливая улыбка. Юрий глотнул воздух, задыхаясь от прилива чувств. Веки

его задрожали. Он не стеснялся этой «чувствительности». В такую минуту никто не осудит его за это. Все понимали: человек переживает наивысший душевный восторг. На лицах присутствующих появились улыбки, теплые, участливые. Казалось, что вот сейчас кто-то из находившихся здесь седовласых ученых, конструкторов, врачей, инженеров, генералов и офицеров не сдержит чувств, подойдет к Гагарину, обнимет молодого космонавта и по-отечески, напутственно скажет: «Лети, сынок. Благословляем». Сдерживало всех одно: никому не хотелось показаться сентиментальным. Гагарин быстро собрался, принял стойку «смирно» и твердым голосом отчеканил:

— Спасибо за большое доверие. Задание будет выполнено.

В его душе, видно, всколыхнулось теперь уже другое чувство — радость уступила место долгу, ответственности. Он стоял, как воин, готовый к выполнению ответственного задания. Чувствовалось, что в тот момент он все забыл, все отбросил. Теперь его ничто не могло удержать, он уже был на пути к цели. Все затмили большая благородная цель и его долг. Этим он отвечал на большое доверие. За Юрием выступил Герман Титов.

Он также благодарил членов Государственной комиссии за доверие, выраженное ему, — быть дублером первого космонавта. Герман, как и Юрий, как и другие друзья космонавта, был хорошо подготовлен. Он мог и очень хотел отправиться в первый полет. Однако он знал, был твердо уверен, что Юрий доведет до конца порученное ему дело и ему — Герману не придется «выручать» друга.

Да, Гагарин знал, на что идет. Впереди — неизвестность. Он шел без малейшего внутреннего колебания. Он был уверен, что выполнит задание и вырвется за пределы земного тяготения.

Титов был очень рад за своего друга, похлопывал его по плечу, жал ему руку и в шутку осведомлялся, не уступит ли Юрий первый полет дублеру.

Когда сталкиваешься с подготовкой большого события, невольно в памяти отыскиваются исторические параллели. Тогда и я вспомнил: «Вот так, может быть, отправлялся в свой выдающийся полет и Валерий Чкалов».

Для меня было очень важным как можно скорее выяснить: как же отнесутся к сделанному Государственной комиссией выбору товарищи Юрия? Наивно полагать, что молодые летчики, став космонавтами, начисто отрешились от всех человеческих теневых сторон. Тем более, что многие в душе надеялись: я полечу. А теперь окажется, что не он избран, а Гагарин. Не проскользнет ли у кого-то зависть, обида?

Выйдя из здания, мы увидали ребят. Они стояли группой,

ждали нашего возвращения. Узнав о выборе, все сразу бросились к Юрию, заключили его в объятия. Кто-то мял его, кто-то трепал ему волосы, кто-то совал ему прихваченные «на всякий случай» яблоки и конфеты… Все это происходило как-то особенно, по-мужски, без громких слов и пышных фраз — просто и естественно. А в глазах каждого можно было прочесть: «Рады за тебя, поздравляем, Юра!» В глазах друзей не было ни тени, ни облачка обиды или зависти. Они и сами, оказывается, прикидывая, сделали этот выбор. Еще при старте Звездочки каждый внутренне решил: «Лететь Юре».

Все были довольны, что предположение оправдалось. Даже Григорий, которого считали не в меру самолюбивым парнем, сиял от удовольствия. У автобуса он подтолкнул Юрия вперед, любовно похлопав по плечу. Я понял, что до этого дня чего-то не разглядел в этом человеке. Да и остальных ребят, видно, еще мало знал, хотя и работал с ними уже более года.

В автобусе Гагарина не отвлекали расспросами, лишними разговорами: надо же человеку успокоиться, подумать о том, что произошло… Не так все просто. А Гагарин не хотел молчать: он вспомнил и тут же рассказал одну смешную историю. Взрыв веселья захлестнул космонавтов. Автобус, казалось, сотрясался от здорового, молодого смеха. Тот, кто посмотрел бы со стороны, наверняка подумал: веселая, бесшабашная компания. И трудно было бы поверить, что один из них и есть тот самый первый космонавт, которому завтра предстоит открыть дорогу к звездам.

Ранним утром, при восходе солнца к нашему домику пришла пожилая женщина — Клавдия Акимовна, с букетом ранних полевых цветов — тюльпанов. Она села на ступеньку крыльца у входа, поджидая, когда проснется Юрий Гагарин. Я сел рядом с ней; мне не спалось.

Начиналось доброе весеннее утро 12 апреля 1961 года. Клавдия Акимовна обычно хозяйничала в этом домике. Теперь она на некоторое время сдала его нам и знала, кто в нем расположился.

— Сынок-то мой тоже был летчиком… Как и Юрочка, — говорила женщина. — Похож даже на него… тоже лобастенький, курносый. Погиб мой сынок на войне. Только не говорите об этом Юре. Не тревожьте его. Он ведь вон на какое дело идет. Всякая тревога для него теперь — сущий яд.

«Не тревожьте Юру» — спасибо за теплую участь и заботу, хорошая, благородная русская женщина-мать. Вы так искренне заботитесь о незнакомом вам парне, — только вчера вечером впервые его и видели, а сегодня уже печетесь, как о сыне. Он вам и впрямь сын. Как, впрочем, и для всех нас, его старших

товарищей, испытавших войну, а с ней и горечь утрат. На место старшего брата или сына вперед выходил младший. За героем войны — шел герой наших дней. Никогда не иссякнет эта преемственность. Меняются лишь рубежи.

Я поблагодарил Клавдию Акимовну и пообещал ей, что мы постараемся не заронить в душу Юрия никаких тревог.

Разбудив Юрия и Германа ровно в семь часов, я передал им весенний букет, который тут же поставили в вазу, Гагарин искренне радовался и благодарил добрую женщину:

— Какие замечательные цветы! Спасибо вам за такое внимание. Нам очень дорого оно, и особенно дорого сегодня.

Когда мы покидали гостеприимный домик, Юрий снова остановился у столика, он кивнул цветам, как близким знакомым. Потом, после полета, было много цветов, но эти — эти были первые цветы в его космической эпопее.

Все утро меня подмывало поговорить с Юрием о чем-то очень важном… Человек отправляется на такое ответственное и большое дело, Как же при этом можно не сказать ему чего-то особенно теплого, хорошего… Или, может быть, я обязан дать ему какой-то важный совет? И уже, казалось, подходящие слова приходили на ум, навертывались на язык. Но всякий раз я вспоминал наказ пожилой женщины: «Не тревожьте Юру», — и они, эти «подходящие» слова, разлетались непроизнесенными. Вдруг сказанное заронит тень волнения?.. Вместо советов, напутствий я только, как и другие, шутил, рассказывал веселые историйки и небылицы. Юрий смеялся, тоже что-то рассказывал. Приходил Главный конструктор. Я видел: он тоже хочет что-то сказать, но сдерживается и вместо этого шутит, смеется.

За столом, во время завтрака, мы выдавливали из туб космическую пищу и делали вид, что она удивительно вкусная. Даже Герман, который любому блюду предпочитает натуральное мясо, делал попытку хвалить еду. Юрий особенно превозносил космический провиант:

— Давно не ел такой «вкусноты». Чудо, а не паштет. Домой бы захватить десяточек таких туб. Валя обрадуется. Все уже готово и не надо возиться, стряпать.

В те дни он искренне восхищался буквально всем, что видел — и восходом солнца, и утренней свежестью, и полигонными порядками, и спортивным костюмом, и своим космическим одеянием, и шутками товарищей, и музыкой… У него было чудесное настроение. Весь он как бы излучал добрый свет.

Несколько слов о музыке. Мы взяли с собой магнитофон. На ленту предусмотрительно были записаны приятные, нежные и бодрящие мелодии. Как это оказалось кстати! В нашем домике

музыка струилась целыми часами, и она создавала хорошее настроение. Кто-то из ученых заметил: «У вас и мелодии на службе…»

Все дни, проведенные на космодроме, были очень напряженными. Весь день всей группой космонавтов велась серьезная работа. Отдыхали только поздними вечерами да ночью. Я все время, стараясь не спешить, поторапливал ребят: график времени был жестким. Счет велся буквально по минутам.

Я изредка спрашивал Юрия:

— Не устал?

— Я-то что, — отвечал он. — Лишь бы нужные нам специалисты не уставали, с нами занимаясь… Для нас это не нагрузка после всех ранее проведенных занятий и тренировок…

Я же видел: немного устают ребята, но все держатся хорошо и марку терять не хотят. Хорошо и то, что искренне заботятся о Юрии и Германе. Они же оба старались, я бы сказал, как одержимые. После напряженной работы на лбу у Юрия выступали капельки пота, а на лице появлялась замечательная улыбка.

В дни перед стартом Юрий особенно внимательно и чутко относился к товарищам-космонавтам и ко всем нам, окружавшим его. И в голосе у него была какая-то особенная ласковость. Он всех одаривал своей чудесной улыбкой. И для всех находил теплое слово. При встрече с Гагариным светлело лицо даже сурового начальника одной из служб космодрома. Он признался нам:

— Черт подери, к этому парню как магнитом тянет…

И космонавтов в предстартовые дни тянуло к Гагарину: они появлялись и подолгу задерживались в нашем домике. Мне и Герману не раз приходилось всю компанию провожать до автобуса. Когда мы возвращались, оттуда еще долго доносились разговоры. Характерно, что о предстоящем полете никто не произносил ни слова. Будто ни Гагарин, ни кто другой никуда и не собирался.

И все же однажды у Юрия буквально на миг промелькнула тень некоторого замешательства. Произошло это так. Несколько человек из обслуживающего технического состава неожиданно попросили Гагарина сделать им автографы. Один из них сказал:

— Подпишите мне, Юрий Алексеевич, книгу. Пусть будет мне памятью о вас.

Эти слова резанули слух присутствовавших. Прозвучали они как-то неудачно, неуместно. Так обычно говорят человеку, с которым не надеются больше встретиться. На лице Юрия я уловил секундную нерешительность. За все время нашего пребывания на космодроме он впервые не нашелся, не сумел

сразу ответить собеседнику. Затем несколько тише обычного спросил:

— Надо ли это?

— Ничего, подпиши, — подчеркнуто решительным тоном посоветовал я. — И вообще привыкай, Юра. После полета тебе предстоит сделать по меньшей мере миллион автографов. Пусть это будут первые.

Гагарин снова заулыбался и сделал пару автографов: на книге одного техника и на фотографии сына — другого. Тогда еще не существовало ни одной открытки первого космонавта мира Ю. А. Гагарина.

Верю в тебя

Церемония поцелуев, объятий и добрых пожеланий в дорогу состоялась перед выездом из монтажного корпуса. Вначале с Юрием до скорой встречи распрощались космонавты, затем подошел я. Он уже стоял во всех космических доспехах, немного неуклюжий, но величественный, как рыцарь. Что-то надо сказать — он ждет. И я сказал:

— Верю в тебя, Юра, Верю в успех твоего полета. Давай обнимемся, старина.

При слове «старина» он засмеялся и подался ко мне навстречу. После мужского объятия, и поцелуя, я не сразу почувствовал, что лоб мой украшала царапина и шишка — результат встречи с космическим шлемом и его замками.

После прибытия на старт и короткой церемонии вместе с космонавтами мы перебрались в район радиостанции — там слышны были все радиопереговоры с Гагариным. Одним из тех, кто со старта держал связь с Юрием был наш космонавт — Павел Романович. Стоя у динамика, мы буквально превратились во внимание. Каждое слово Гагарина воспринималось совершенно особо. Космонавты ценили каждую искорку юмора. Они воздавали дань выдержке и хладнокровию своего друга в такие напряженные минуты. По голосу слышим — у микрофона Главный конструктор. Он говорит Гагарину:

— Все идет хорошо. Не беспокойтесь. Как себя чувствуете?

— Я не беспокоюсь, чувствую себя отлично, как вы себя чувствуете? — весело отвечает Юрий. — Передайте врачам: пульс у меня нормальный.

Космонавты захлопали в ладоши. Они гордились тем, что там, в корабле «Восток-1», находится и так замечательно ведет себя их товарищ.

На всю жизнь останется в памяти старт «Востока-1». Звездолет вначале медленно, затем все скорее и скорее поднимался и взмывал в небо, унося с собой человека. Что происходило на земле! Все мы от возбуждения что-то кричали, обнимались. Почти у всех на глазах набежали слезы радости. Но никто этого не стыдился. Да разве можно рассказать об этом словами!

Свершилось грандиозное историческое событие. Ракета уже скрылась из виду, а люди стояли и смотрели в небо. На миг у всех появилась какая-то растерянность.

Никто не знал, что теперь делать, куда идти? Все еще чего-то ждали.

Через несколько минут за нами пришел автобус. Космонавты первыми обрели спокойствие: всем хотелось действовать. Я задержался у машины. Слышу по радио разносится знакомый голос диктора Левитана: «Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника „Восток“ является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич». Словно ток высочайшей радости прошел через мое сердце. В полете Юра стал майором. Оглянулся: с кем поделиться новостью? Рядом со мной стоял Григорий. Он слышал снова диктора. В его глазах блеснули искренние росинки радости. Мы обнялись, дружески пожали друг другу руки. Гриша сказал мне:

— Я рад за Юру, — и гордо добавил: — Вот мы какие, Евгений Анатольевич, — все можем, и в космос тоже можем.

В такие минуты человек виден весь. При этом говорит в нем все лучшее. Я видел, что Григорий гордится не за себя, а за коллектив, который смог дать и подготовить для такого всемирно-исторического события достойного своего представителя.

А отовсюду уже неслись крики:

— Ура, Гагарин!

Он научился творить

Главный конструктор как-то спросил у космонавтов, научились ли они учиться?

Космонавты замешкались с ответом. Никто как-то раньше не думал: умеет ли он учиться? Учились в школе, в авиационном училище… Одни лучше, другие хуже, по-всякому. И здесь, на новом месте, они старательно учатся. Но умеют ли они это делать — пусть скажут другие… Видимо, академик имел в виду что-то другое… какую-то другую особенную учебу… Но какую?

Видя, что космонавты затрудняются что-либо ответить, он сам пришел им на помощь:

— Что значит: научиться учиться? Я не сомневаюсь, что все вы отлично освоите корабль. Ну, а ведь дальше что? Не получится ли у некоторых так, как в свое время получилось со мной? Я закончил институт. После сдачи дипломного проекта пришел домой и, облегченно вздохнув, сказал матери: «Мама, теперь все эти книги, чертежные столы, линейки можно забросить. Я — инженер». И забросил на время. Но очень скоро понял… настоящая учеба-то только начинается. Только на новом, я бы сказал, более разумном уровне. Теперь я знал, что мне нужно, чего я хочу и где можно подчерпнуть необходимое. Творческая жизнь и работа — это цепь сплошной учебы, сплошных экзаменов. Если человек чему-то и научился, так это главным образом для того, чтобы легче, быстрее он сумел проникнуть еще глубже в содержание того, чем он занимается. Постоянно учась, человек может творить. Понятно ли вам, к чему я клоню?

— Понятно, — хором ответили космонавты.

— Вот только последнее нас смущает, — отозвался Герман Титов. — Научимся ли мы творить? Это ведь самое главное?

— Не боги горшки обжигают, — ободряюще взглянув на него, ответил Главный конструктор. — Я знаю, как вы, Герман Степанович, сдавали экзамены по технике. Сложные вопросы трактовали оригинально, по-своему. Даже, помнится, поспорили с нашим конструктором. Было такое?

— Было. Но ведь это только экзамены.

— А теперь переходите к более сложному. Не переставайте работать, думайте о том, как совершенствовать наши корабли, — посоветовал Главный конструктор.

Вместе со всеми космонавтами, изучая корабль, Герман Титов засыпал инженеров, конструкторов вопросами. Его всегда интересовали не только общие принципы устройства, конструкции, но и детали. У него то и дело возникали десятки

«почему». Почему, скажем, одна часть пульта управления чрезмерно насыщена тумблерами, кнопками, рукоятками, а другая — просторная? Почему приборная доска окрашена и установлена так, что словесные обозначения, сделанные на ней, недостаточно видны?.. Титов помнил совет Главного конструктора: смелее высказывать свои суждения, предлагать — ведь большинство того, что делалось на корабле, делалось впервые. Однажды он насторожил конструкторов тем, что высказал сразу целый ряд рационализаторских предложений. Вначале к Герману отнеслись недоверчиво. Но вскоре обнаружилось, что советы дельные, и ему сказали:

— Разумные советы, коллега. Учтем.

Титов осмелел и внес еще ряд предложений. Глядя на него, смелее стали высказывать свои соображения и другие космонавты. Конструкторы, инженеры удовлетворенно кивали головами. Они соглашались с дельными предложениями космонавтов.

Однажды конструктор, пригласив Титова к кораблю, сказал:

— Смотрите, как теперь…

Титов увидел, что по его совету кое-что уже переделано, усовершенствовано. Он сел в кабину корабля, попробовал.

— Очень хорошо. Удобно работать. Спасибо.

— Не за что, мы ведь одно дело делаем.

Позже конструктор сказал мне:

— С ясной, хорошей головой этот парень, и глаз у него зоркий. Умеет ухватить главное и о деталях не забывает.

А Главный конструктор как-то сказал:

— Вот Титов научился учиться. Значит, сможет и творчеством разумным порадовать.

Герман Титов внес ряд ценных предложений при подготовке первого полета человека в космос.

Правительство высоко оцепило его труд: за творческое участие в подготовке полета, который совершил его друг Юрий Гагарин, он награжден орденом Ленина.

«Твой черед, Гера»

Сделан первый шаг, первый полет человека к звездам. Мир еще восторгался великим экспериментом. А конструкторов-инженеров, ученых уже волновали новые космические проблемы. И космонавты заговорили о следующем полете. Все понимали: он будет сложнее первого. Нет смысла повторять успешно пройденное.

— Ну, Гера, готовься, твой черед, — говорили Титову.

— Почему непременно я? Возможно, другой полетит. Как решит комиссия, — отвечал Титов.

— Тебя пошлют, мы уверены. Имеешь полное право: был у Юрия дублером. — И по-дружески говорили: — Не теряй времени, готовься. А мы поможем.

И в конструкторском бюро, и в штабе ВВС, и у нас — везде Герману советовали: «Готовься». И он с увлечением принялся за подготовку к новому полету.

Сложное это дело — подготовка к полету. Она объединяет множество различных больших и малых вопросов. Предстояла напряженная и кропотливая работа. Да, именно работа. Герман вместе со своими помощниками-дублерами не знал покоя. Они ездили на заводы, в конструкторские бюро и специальные лаборатории, в институты. Герман подолгу оставался и «один на один» с кораблем. «Надо сжиться с каждой особенностью корабля, с каждым тумблером и рычагом», — говорил он и начинал — в который раз — «разыгрывать» полет. Потом появлялись новые заботы. И так целые дни. Можно сказать прямо: своим неутомимым, творческим отношением к подготовке Герман Титов подавал хороший пример того, как надо готовиться к большому делу. Все окружавшие его, и особенно друзья-космонавты, очень внимательно и заботливо относились и к самому Герману и к его работе. Не преувеличивая скажу, что все мы жили предстоящим полетом. И теперь, в отличие от первого полета, когда избранник выявился только непосредственно перед стартом, все знали и верили в то, что Государственная комиссия согласится с нашим предложением и поручит выполнение второго полета именно ему — Герману Титову. Каждый из космонавтов, выполняя определенное задание, докладывал Герману, как главному исполнителю: «Сделано то-то…» До поздней ночи велись уточнения, проверки, деловые разговоры. Герман настолько увлекся работой, что забывал о еде. Часто спрашивают, волновался ли он в этот период. Я бы так ответил на этот вопрос: у него ни на что, кроме работы, не было времени, он перед собой

видел только большой серьезный полет.

Время в подготовке пролетало незаметно. И вот уже мы на знакомом космодроме. Там жарко — солнце прямо-таки обжигает. Но воздух свежий, и пахнет полынью, чебрецом и еще какими-то травами.

На этот раз, как и тогда перед первым полетом, Германа и его дублера — Космонавта Три, разместили в том самом домике, где раньше «квартировали» Гагарин и Титов. Его так и назвали: «Домик космонавтов». В той же комнате, где стояли две кровати, Герман занял свою, прежнюю кровать, а его другу досталась «гагаринская». «Я уж привык к своей, — сказал он дублеру. — А ты обживай». Умылись с дороги, переоделись в летнюю, легкую одежду. После короткого отдыха, занялись делами. Я с трудом отвлек обоих от работы: пора было обедать. Меню — космическое: мясные и молочные блюда, овощные и фруктовые пасты, витаминизированные соки… Все это выжималось из специальных туб. Пища была вкусная, калорийная. И хотя на дворе было жарко, космонавты ели в общем хорошо — с аппетитом.

В тот же день побывали на корабле. Подъезжая к старту, мы еще издали увидели ракету. Она стояла в готовности и словно ждала хозяина. Герман улыбнулся и проговорил:

— Вот и снова встретились… Старая знакомая.

Один из техников обслуживающей команды, увидав Титова, с удивлением спросил меня: «Этот паренек и полетит?»

Герман действительно походил на шустрого паренька. У него стремительная походка, веселое выражение лица. Даже не верится, что он собрался лететь в космос… Но скоро все увидели: Герман — пытливый, думающий, серьезный человек. Он задавал техникам, инженерам вопросы, придирчиво, со знанием дела осматривал каждую деталь. Люди поняли: на корабль пришел хозяин.

Когда Герман Титов и его дублер — Космонавт Три на специальном лифте поднялись на площадку, где находился корабль, их охватило какое-то благоговейное волнение. Вот оно, космическое жилье! Они заглянули, а затем поочередно посидели в кабине звездолета. Там все светилось нетронутой чистотой, все ждало хозяина.

— Обживаете? — Услышали они мягкий голос Главного конструктора, поднявшегося на лифте к ним. Главный конструктор смотрел на них как обычно, с отеческой добротой… Говорят, он бывает и суровым, строгим, но космонавты его таким не знают.

— Мы уже посмотрели, потрогали все, — ответил Герман.

— Не торопитесь, ребятки.

Очень как-то тепло произнес он это слово: «ребятки».

— Вам лететь в этом корабле. Посмотрите все как следует. По-хозяйски все проверьте. Я сам в прошлом был летчиком-испытателем. Часами, бывало, сидел в новом самолете. Новый костюм и то придирчиво примеряют. А это — корабль. — Затем, выждав минуту, академик спросил: — Нравится?

— Очень.

— Ну, тогда, как говорится, с богом… Завтра — старт.

Незадолго до полета космонавтов познакомили с обслуживающей командой: Главный конструктор представил:

— Вот командир корабля. Вот дублер.

Начальник команды пожал им руки и, преподнося букеты, сказал:

— Эти цветы, между прочим, мы сами вырастили. Специально предназначали для того, кто полетит.

Они по-братски обнялись. Кто-то сказал:

— Сама жизнь сделала ракетчиков и космонавтов друзьями.

— Сколько во Вселенной планет, сколько звезд! Мы запустим туда корабли, а вы полетите…

Все мы, присутствовавшие при этой беседе, подумали, какие непостижимо большие перспективы стоят перед человечеством… Запускать корабли, летать к звездам. Сегодня поднимется в космос Герман Титов, завтра — Космонавт Три, послезавтра — его друг. А пройдет десяток-другой лет — и трудно себе представить, какой сложности полеты будут выполнять их дети…

«Пошла, родная!»

Утро выдалось, как и тогда, при полете Гагарина, удивительно хорошее — тихое, ласковое, солнечное. Быстро вскочив с постели, Герман подбежал к окну, полной грудью вдохнул свежий воздух. Обменявшись дружескими шутками, Герман и его дублер выбежали во двор.

Космонавты, как обычно, проделали гимнастику, позавтракали. Затем обоих осмотрели врачи. Выходя из домика, мы остановились на пороге, как бы ненадолго попрощавшись с временным жильем…

— «Еще вернемся сюда», — сказал я Космонавту Три. Он улыбнулся и еще раз, будто для памяти, оглядел домик.

На стартовую площадку Космонавты Два и Три прибыли в полной космической форме — в скафандрах. Сравнивая обстановку предстартовых минут второго полета человека в космос с первым, можно отметить некоторое отличие. При полете Гагарина мы все очень волновались. А тут появилось, может быть, даже излишнее спокойствие. Герман был особенно спокоен.

В дороге смеялся, шутил, будто ему предстояло что-то обыденное, легкое. Когда автобус остановился и все мы вышли из него, Герман обнял Космонавта Три, чокнулся с ним шлемом скафандра. Это превращалось в своего рода традицию: перед вылетом космонавты чокаются шлемами. В звоне металла, кажется, слышится доброе напутствие в дорогу: «До скорой встречи!».

Затем мы распрощались с Германом. Обнимая ставшего в эту минуту еще более дорогим для меня человека, я что-то говорил ему, но было уже поздно. К нему стали подходить многие находившиеся на старт-площадке.

Невдалеке стояли космонавты. Они поджидали Германа. Увидев их, он замахал рукой и побежал к ним. Я пытался приостановить его, но, прежде чем я успел это сделать, он уже смешался с ребятами, неуклюже обнимая каждого из них.

Герман отправлялся в космос уверенно, с хорошим настроением. Это видели все — и члены Государственной комиссии, и конструкторы, и друзья-космонавты, провожавшие его в дальнюю дорогу. Его уверенность и спокойствие, видимо, передались и всем окружающим. На этот раз, в отличие от первого старта, никто не нервничал, не курил папиросу за папиросой. Все держались собранно, ровно. Кто-то даже шутил, смеялся.

Стоя у радиостанции, мы слышали радостно возбужденный

голос Германа и видели на экране телевизора его красивое, мужественное лицо. Шлем скафандра подчеркивал его высокий лоб, прямой нос, слегка выдвинутый вперед подбородок.

До старта оставалось десять минут. Руки Германа потянулись к пульту управления. Он был готов к работе. Еще раз — больше для порядка — проверил приборы, связь. Все нормально! Приветливо улыбнулся всем тем, кто видел его на экранах телевизоров, и закрыл шлем скафандра.

Раздалась последняя команда:

— Подъем!

Ракета очень плавно и устойчиво, все набирая и набирая скорость, пошла вверх.

Герман кричит, охваченный радостью:

— Пошла, родная! Будьте здоровы, товарищи! До скорой встречи!

В отличие от первого полета, когда все оставшиеся на космодроме, проводив Юрия, стали дожидаться его приземления через 108 минут, теперь каждый спешил к своему рабочему месту. Предстояла суточная вахта — суточная напряженная работа. Каждая минута могла принести любую тревожную или радостную весть. От дееспособности группы руководителей полетом с земли многое зависело. Она вела постоянную радиосвязь в космическим кораблем. Ее «тонус» распространялся на всю сеть наземных средств. Она готовила информацию радио и печати для широких масс советских граждан. Хотя полет протекал как нельзя лучше, надо признать, что, пока корабль Германа Титова семнадцать раз облетел нашу планету, нам всем казалось, что прошла целая вечность… Нет, мы не беспокоились за космонавта. Мы еще задолго до полета были уверены: у Германа все будет хорошо. Всем нам нетерпелось поскорее увидеть Германа и узнать: «Ну как? Значит — сутки в космосе можно жить и работать?», «Каковы особенности влияния на человека суточной невесомости?», «Что надо внести в подготовку тех космонавтов, которые отправятся в очередные полеты?..».

Тысяча вопросов! И только Герман может ответить на них… О том, как замечательно вел себя весь полет Космонавт Два, рассказано и написано очень много. Вряд ли следует повторяться.

Первым из космонавтов Германа встретил Космонавт Три. Произошло это в помещении райкома партии, куда героя доставили с места приземления. Он стоял у стола и что-то возбужденно говорил собравшимся людям. Увидел друга, запнулся на очередном слове и бросился навстречу: «Дружище, здорово…» Они обнялись, похлопали друг друга по спине, будто

не сутки, а целую вечность не виделись. Но по-серьезному здесь поговорить не удалось — Герман попал в объятия других людей. Прибыл специальный самолет, на котором нового героя предстояло доставить к месту заседания Государственной комиссии.

В самолете друзей-космонавтов Два и Три снова разъединили: Германа взяли в «плен» врачи. Выбрав удобную минутку, Космонавт Три спросил Германа:

— Ну, как там?

Герман знал, что интересует друга. С присущей ему темпераментностью он ответил:

— Очень интересно. Потом подробно все расскажу. А пока самое главное: надо серьезно тренировать вестибулярный аппарат. Невесомость в общем штука серьезная… и всем нам из этого надо будет исходить в последующей работе. А работать в космосе — будем. Это теперь уже факт.

Герман хорошо перенес свой суточный полет в космосе. Многократные обследования и проверки, проведенные дотошными медиками, подтвердили, что он, как и был ранее, остается совершенно здоровым человеком.

К незаурядным способностям этого молодого и очень активного человека прибавился такой бесценный опыт!

Видится далеко

Под стеклом моего письменного стола лежит любопытный снимок. Взглянув на него, сразу не поймешь, где происходит действие. Вид необычный: человек, одетый в летно-космические доспехи, распластав руки, плывет под потолком. Так можно плавать только при отсутствии тяжести, или, как мы говорим, в состоянии невесомости. В приятном лице молодого человека можно узнать Космонавта Три. На лице немного изумленная и в то же время очень довольная улыбка. Глядя на снимок, будто сам ощущаешь, как приятно ему двигаться, вращаться в этих необычных условиях. Руки точно крылья.

Где это происходит? Неужели в космическом полете? Нет. Это ознакомительно-тренировочные полеты. Невесомость создается в полете на специально приспособленном самолете ТУ-104. Правда, длится она сравнительно короткое время — всего несколько десятков секунд. В одном полете самолет совершает пять-шесть горок, и космонавт в общей сложности находится в таком состоянии две минуты. Серии полетов оказывается вполне достаточно, чтобы хорошо ознакомить человека с необычными ощущениями, о которых и ученые, и писатели, да и сами летчики немало фантазировали. После того как ознакомительные полеты проведены, начинаются регулярные тренировки. Во время тренировок летчики выполняют различные специальные и гимнастические упражнения, перемещаются по кораблю. Методика тренировок, как обычно, состоит в постепенном переходе от простого к сложному.

В состоянии невесомости многократно побывала вся группа. Когда после полета спрашиваешь: «Как самочувствие?», ответ у всех один и тот же: «Прекрасно. Легко. Приятно».

Мы не рассчитывали обнаружить у наших космонавтов каких-либо отклонений физиологической переносимости этого фактора — слишком кратковременен он по времени действия. Цель этого раздела подготовки была в том, чтобы познакомить космонавтов с состоянием невесомости и дать им возможность попробовать поучиться активно вести себя в этих условиях. Хотя цель была достигнута, космонавты, как и естественно ожидать от всех летчиков, которые очень любят полеты, постоянно просят: «Дайте нам еще полетать». На этом же настаивают руководитель раздела летной подготовки космонавтов опытный летчик-испытатель Иван Алексеевич и его помощник известный летчик Герой Советского Союза Борис Борисович. Они правы: летная подготовка очень полезна для космонавтов. Полеты на боевых

самолетах-истребителях и на специально приспособленных самолетах являются незаменимым дополнением ко всем другим, постоянно ведущимся тренировкам, которые, вместе взятые, и позволяют космонавту постоянно находиться в необходимой «форме» — в постоянной готовности к выполнению космических полетов. И действительно, невозможно создать такой стенд или установку, которые бы смогли так всесторонне, так комплексно и естественно воздействовать и тренировать без исключения все физиологические системы и психологические процессы человека, как это достигается в полетах. Космонавты стараются поддерживать и поднимать уровень своей прежней летной выучки. Они летают на реактивных самолетах-истребителях, на транспортных самолетах и на специально приспособленных самолетах, о которых велась речь выше. В их новой профессии все это весьма важно.

Борис Борисович, как и многие другие наставники-инструкторы космонавтов, строг к своим ученикам. Он не любит говорить о себе: скромный человек. Но космонавты знают, как он воевал. У этого уже немолодого офицера огромный жизненный и боевой опыт, и с его мнением космонавты особенно считаются.

Они уже привыкли к тому, что с каждым днем усложняются специальные тренировки. Это и понятно: теперешний уровень техники и ее постоянное развитие предъявляют к организму человека очень высокие требования. Ведь каждый новый полет в космос — это качественно новый скачок. В каждом полете неизмеримо возрастает роль космонавта как пилота, как работника. Герман Титов, как известно, во время своего полета произвел испытание ручного управления космического корабля. Он по своему желанию многократно разворачивал и стабилизировал корабль. В очередных полетах Космонавты Три, Четыре, Пять и каждый последующий представитель их большой семьи всякий раз будут делать «кое-что» посложнее. Можно ожидать, что появится принципиально новый пилотаж. В полете космонавт будет вести большую и полезную работу. В скором времени он сможет и производить посадку корабля точно в заданном месте. Что это, мечты? Нет, реальные возможности.

Не терпящий застоя и топтаний на месте, неугомонный, как у нас его называют, Герман Титов как-то сказал мне:

— Завидую будущему пилоту-космонавту. У него в полете будет серьезная и очень интересная работа.

Это верно, космонавтам действительно предстоит серьезная и интересная работа в космических полетах.

Что же касается зависти Титова, то она, конечно, хорошая, дружеская. Но не надо, Герман, огорчаться. Всем найдется работа:

и твоим товарищам, и тебе самому. Совсем не за горами и то время, когда в космос полетят огромные корабли с большими экипажами. Звездные корабли поведут опытные космонавты. Космические полеты станут так же надежны и удобны, как ныне авиационные. Разница, пожалуй, будет в том, что экипаж космического лайнера составят представители очень многих специальностей — здесь не обойтись только летчиками, радистами и штурманами. Здесь понадобятся всевозможные ученые: математики, физики, инженеры, врачи. Все они будут космонавтами. Думаю, что право вести такие корабли будет предоставляться пионерам космоса — Юрию Гагарину, Герману Титову, их товарищам-космонавтам. Все они к тому времени станут опытными пилотами звездолетов.

Ну, а как при этом «поведет» себя невесомость в длительном полете? Не сможет ли она сковать жизнь и деятельность человека? Американские ученые на эти вопросы дают не слишком оптимистические ответы. Сводятся они в целом к тому, что тридцатичасовое пребывание человека в невесомости обязательно его «подкосит». Откуда взялся такой категорический вывод? В Америке произвели опыт: одного врача, сильного и тренированного человека, на семь суток поместили в бассейн с водой, удельный вес которой был близок к удельному весу человеческого тела. Тем самым была сделана попытка создать подобие невесомости. Из сообщения следует, что после опыта в организме подопытного были обнаружены существенные сдвиги. Отсюда и появилось утверждение: продолжительная невесомость вредна. Нам не хотелось бы вступать в спор с американскими коллегами, однако мы не считаем возможным делать скоропалительные выводы на основе некоторых лабораторных экспериментов. Одно дерево никогда не принималось за лес. Наш космонавт Герман Титов — единственный в мире человек, который испытал невесомость в продолжительном двадцатипятичасовом полете. И даже по его ощущениям мы пока не считаем возможным делать категорические выводы или заключения. Поживем — увидим. Будут новые полеты, они и уточнят необходимое. А пока мы не имеем оснований ни на то, чтобы соглашаться с пессимистическими выводами американских ученых, ни на то, чтобы утверждать противоположное.

В своей же работе мы придерживаемся принципа: до полета в космос постараться приучить человека к состоянию невесомости, постараться сделать его наименее восприимчивым к этому фактору. Путь к этому пока один — всевозможные тренировки и еще раз тренировки. Известно: здоровый, сильный, закаленный, морально стойкий человек может преодолеть то, чего не вынесет

не обладающий этими качествами.

Вот такого человека мы и стараемся готовить в нашей советской школе космонавтов.

Космос — проблема особого рода. XXII съезд нашей партии назвал ее величественной и грандиозной. Каждый шаг на пути ее решения открывает перед человечеством новые и новые дороги в ранее неизведанный мир. Советские космические корабли и наши люди уже побывали в околоземных космических далях. Шаг сделан большой и в то же время пока еще очень малый. Большой потому, что приоткрыта дверь в мир неведомого. Первые полеты уже принесли земле бесценные сведения о природе космического пространства. Малый потому, что фактически еще только началось утро космической эры. Пока доказано лишь то, что человек может одни сутки летать, жить и работать в космическом пространстве, возвращаясь на землю целым и невредимым.

Итак, советская школа космонавтов заложена и функционирует. Ею подготовлена к выполнению космических полетов первая значительная группа советских космонавтов. Представители этой группы — пионеры космоса Юрий Гагарин и Герман Титов — доказали не только возможность выполнения человеком космических полетов, по и подтвердили принципиальную верность основ первого отбора космонавтов и их подготовки.

Несмотря на широту и большой объем занятий, связанных со специальной подготовкой, космонавты не ограничиваются этой работой. Они живут кипучей, разносторонней жизнью. Круг их потребностей и интересов постоянно разрастается.

Все они одновременно со специальной подготовкой учатся в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского.

Учеба в академии — дело не простое. Во много раз труднее учиться после серьезной ежедневной работы. Однако чего не сделает энергичный человек, когда он понимает, что это ему нужно.

Да, космонавт — представитель самой молодой, но уже очень популярной профессии. Это — концентрация здоровья, моральной силы, чистоты, широких знаний и навыков. К этим молодым людям как нельзя лучше подходят замечательные слова Виссариона Белинского:

«… Человек должен быть:
Ясен разумом,
Чист морально…».